

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНИЕВ

«ОН УМЕР ОТ СЕБЯ»

САМОУБИЙСТВО
ВЛАДИМИРА
ВЫСОЦКОГО

Борис Соколов

Тайная жизнь гениев

Борис Соколов

**Самоубийство Владимира
Высоцкого. «Он умер от себя»**

«Яуза»

2011

Соколов Б. В.

Самоубийство Владимира Высоцкого. «Он умер от себя» /
Б. В. Соколов — «Яуза», 2011 — (Тайная жизнь гениев)

Новая версия трагедии Владимира Высоцкого. Сенсационное расследование гибели великого актера и поэта. Шокирующий ответ на самые «неудобные» и «скандальные» вопросы: что сгубило «Шансонье всея Руси» – отсутствие официального признания, чрезмерное народное обожание, водка, героин? Из какого житейского сора росли его последние стихи и песни, кем была его последняя любовь, как рождались последние кинороли, в том числе и незабываемый образ Глеба Жеглова? Что заставляло Высоцкого жить «на разрыв аорты» и годами «стоять на краю», заглядывая в бездну, играя со смертью? Почему его поведение так похоже на самоуничтожение, самосожжение, суицид? И правда ли, что поэт сам себя свел в могилу, а его трагический уход – не что иное, как САМОУБИЙСТВО? Недаром же В. Смехов сказал: «Он умер от себя»...

Содержание

Владимир Высоцкий – запрограммированное самоубийство	5
Любовь Высоцкого	9
Алкоголизм Высоцкого	22
Высоцкий и наркотики	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Борис Соколов

Самоубийство Владимира Высоцкого. «Он умер от себя»

Владимир Высоцкий – запрограммированное самоубийство

Высоцкий сегодня, несомненно, – самый популярный из поэтов-бардов советских времен. Причины этого несколько. Во-первых, из плеяды исполнителей авторских песен Владимир Семенович оказался самым талантливым поэтом. Кроме того, он не только исполнял свои песни под гитару, но и сам писал к ним музыку. А главное, Высоцкий был профессиональный артист театра и кино. Среди остальных советских бардов профессиональным артистом фактически был только Юрий Визбор, но он в театре не играл, а лишь снимался в кино. Все это давало ему преимущество над другими советскими бардами.

Уникальность Высоцкого – в сочетании написанных им текстов песен с его же музыкой и аккомпанементом на гитаре и с самой манерой авторского исполнения (переживания) песни, с тем, как он играл свою песню. Наверное, ни один бард-шансонье в мире не имел такого уникального таланта. Может быть, поэтому Высоцкий добился определенного признания во Франции, хотя пел только на русском языке и, казалось бы, на чисто русские (советские) темы. Он не был выдающимся гитаристом. Его коллега по театру на Таганке Виталий Шаповалов, профессиональный музыкант, играл на гитаре значительно лучше и в начале карьеры Высоцкого помогал ему осваивать некоторые аккорды. Высоцкий, несомненно, был заметным поэтом, но все-таки не уровня Пастернака, Мандельштама или Бродского. Его поэтический талант проявился в довольно узкой области создания текстов, предназначенных для исполнения под гитару в форме, доступной для самых широких масс слушателей. То, что при жизни на родине Высоцкого официально не признавали поэтом, стихов его не печатали и в Союз писателей так и не приняли, безусловно, ограничило развитие его поэтического таланта, заставив сосредоточиться, так сказать, на прикладном жанре. И его стихи оказались наилучшим образом приспособлены для исполнения под гитару. В песнях созданный им звукоряд оптимально сочетался с гитарными аккордами.

А поэт Высоцкий был настоящий. Никто другой в такой мере не освоил поэтический потенциал русского разговорного языка, просторечия. Оттого-то герои песен Высоцкого воспринимались аудиторией как живые. Высоцкий, конечно, был оригинальным певцом с выразительным голосом (помните, в песне Окуджавы о Высоцком: «Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон»), но, конечно, по силе голоса до оперных, да и до эстрадных знаменитостей ему было далеко. В одной радиопередаче во Франции Высоцкий, кстати сказать, на французском языке, говорил о том, что он известен «не как певец, а как поэт и композитор, который поет свои песни на свою музыку. Я не профессиональный певец, который поет с большим оркестром...». Хотя пару раз ему пришлось записываться с оркестром. На той же передаче французским ведущим было сказано, что «Владимир Высоцкий очень известен в СССР и в странах Восточной Европы, как я уже говорил вчера вечером, и для советской молодежи он – как Боб Дилан». И актером Высоцкий был выдающимся, но, наверное, все-таки не самым выдающимся актером своего времени, даже в пределах СССР. Еще раз повторю: жаль, что почти не сохранилось видеозаписей спектаклей с его участием, но если взять хотя бы Глеба Жеглова в «народном» фильме «Место встречи изменить нельзя», то понимаешь, каких вершин актерского мастерства он достигал. А вот то, в чем ему не было равных, по крайней мере,

в Советском Союзе, так это в амплу певца-актера. Он не просто пел свои песни под гитару, он играл их героев, он как бы ставил моноспектакли. Не случайно Высоцкий во время концертов часто говорил: «Я сейчас покажу вам песню...» Так, как он, показывать песни больше никто не умел. Виталий Шаповалов вспоминает:

«У Володи-то сила особая. Это изнутри, это духовное, это тайна. А искусства – я не громкую фразу говорю – искусства без тайны нет.

Однажды он спросил:

– Почему ты в концертах не поешь мои песни? Просто любопытно – тебе что, они не нравятся?

– Что ты, Володя, – говорю, – очень нравятся.

– А почему не поешь?

– Да потому что спеть их на свой лад – это будешь не ты, а петь «под тебя» – получится пошлятина. Что же мне, тоже хрипеть, что ли?

– Нет, ты по-своему пой.

– Ты, – говорю, – Володя, настолько уникален, что – дай Бог тебе здоровья – пой сам свои песни, ты это прекрасно делаешь. А петь их другому нельзя, я убежден.

Этот разговор я вспомнил, когда после Володиной смерти мы работали спектакль «Владимир Высоцкий», где многим из нас довелось исполнять его песни. Любимов сказал: «Пойте по-своему». Я отвечаю: «Нет, я так не могу – ну какой же это Высоцкий, где он?..»

Хожу возле собственного дома и думаю: что мне делать? Как мне его петь? Подражать, хрипеть нельзя – хотя я мог бы запросто сымитировать. Значит, нужно категорически придерживаться его ритмического рисунка, все эти сонорные согласные «м», «н» выпевать очень длинно, выпевать все фразы – он любил очень четко произносить текст. Например:

Пляшут ноты врозь и с тол-л-лком,
Ждут до, ре, ми, фа, соль-л-ля и си, пока-а-а
Разбросает их по пол-л-лкам
Чья-то дер-рзкая р-рука-а-а.

Следить за произношением носовых согласных, его рычащих «р-р-р», четких «к», «х» – «делах-х-х!». Четко выпевать-выговаривать все звуки, даже глухие, следовать его манере, его наполнению.

И еще врубать тот самый его нерв. Свои силы врубать ровно настолько, насколько их хватит. Не экономить. У меня столько, сколько было у него, не будет – там все связано с голосом, с его звучанием, с тембральной окраской. У меня этого нет – значит, врубай все свое, что можешь.

Я попробовал это соединить – оказалось ужасно трудно. Трудно даже четко петь, как он, – невозможно выговорить. Попробуйте сами буквально, чисто спеть в его ритме:

Здесь вам не равнина, здесь климат иной!
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад...

Конечно, есть у него песни и попроще, но вот такие, ритмические, оказывается, петь очень трудно.

Постепенно где-то уже появился Володя. Уже узнаешь – это Высоцкий, это песня Высоцкого:

Я пол-лмира почти через-зл-лые бои

Прошагал-л и пропол-лз-с батал-льоном-м...

Любимову говорили, что манера исполнения Шапена больше всех похожа на Володину. А шеф: «Да ничуть!» – разговорился, разбурчался. Мы с Золотухиным идем за декорацию, начинаем песню: «Я полмира...»

– Стоп! – кричит Любимов. – Не надо, чтобы эту песню пел Владимир! Пусть Шапен поет вживую!

– Юрий Петрович, так это Шапен и поет, – Золотухин в микрофон. Шеф промолчал – и поехали дальше.

Я вначале долго отказывался, пока не почувствовал, как ее надо петь. А когда почуял, эта песня мне стала жутко нравиться. Она и на слушателей очень сильно действует. Песня, вообще, малоизвестная, я сам не слышал ее в Володином исполнении, только в рукописи читал».

Двоюродный брат Владимира Высоцкого Павел Леонидов (Рабинович) вспоминал, как в Нью-Йорке узнал о смерти Василия Шукшина: «...Посмотрел на Бродвее в занюханном закутке «Калину красную». И плакал навзрыд... У меня тогда случился самый настоящий приступ ностальгии. Хуже, чем когда узнал про смерть Высоцкого, хотя они оба – самоубийцы. Оба. И обоих их толкали в спину. Поторавливали. Мне Вася на каких-то похоронах сказал: «Каждой сволочи хочется сказать речь на свежей могиле хорошего человека».

В нашей книге мы попробуем проследить, что же привело Владимира Семеновича Высоцкого к смерти в сорок два с половиной года. Разумеется, самоубийством в строгом смысле слова эта смерть не была, хотя суицидальные попытки у барда случались неоднократно. Впрочем, они всегда происходили на публике и носили явно демонстрационный характер, чтобы окружающие еще раз доказали, как они любят Высоцкого или чтобы удовлетворили очередной каприз барда. В последние годы с помощью таких попыток мнимого самоубийства Высоцкий добивался от друзей, чтобы ему доставали наркотики.

Что же касается обстоятельств смерти барда, то, несмотря на некоторую неясность деталей и отсутствие посмертного вскрытия, оно ни в коем случае не было самоубийством. В том состоянии, в котором Владимир Семенович находился к моменту своей гибели, он просто физически не мог себя убить.

Но, образно говоря, всей своей жизнью Высоцкий совершал медленное самоубийство, приближая преждевременную кончину алкоголизмом, неумеренными сексуальными похождениями и, главное, наркоманией. Все эти недуги и пороки частью были природными свойствами Высоцкого, а частью стали следствием его огромного таланта, не получавшего столь желаемого им официального признания. В то же время осознание собственной гениальности сыграло с поэтом и актером злую шутку, спровоцировало желание «заглянуть за грань». У Высоцкого вплоть до самого конца была вера, что такому выдающемуся человеку, как он, ничто не может повредить и что алкоголь, секс и наркотики необходимы ему для творчества... В результате процесса саморазрушения Высоцкий очень быстро подорвал свой изначально крепкий организм, запрограммированный на долгую жизнь.

Но как раз те факторы, которые преждевременно погубили Высоцкого, сегодня во многом способствуют его популярности, которая остается на уровне популярности живых звезд шоу-бизнеса. Подробности его бесчисленных любовных связей, пьяных загулов, наркотических ломок, постоянно публикуемые в прессе и в многочисленных книгах о Высоцком, помогают поддерживать интерес и к его личности, и к его песням. И еще этот интерес подпитывается ностальгией по советской эпохе. Хотя песни Высоцкого полны иронией по отношению к советской жизни и порой вскрывают не самые приглядные ее стороны. Но сегодня они вспоминаются уже как неотъемлемая составная часть того времени.

Мы постарались показать роль трех факторов: любовных походов, алкоголизма и наркомании – как в творчестве Высоцкого, так и в его жизни и найти ответ на вопрос, что

же погубило великого артиста: тоталитарная власть или его собственные пороки, разрывавшие душу Высоцкого и ослаблявшие его тело.

Любовь Высоцкого

Каким был Высоцкий в любви? На этот счет существуют разные суждения, но подавляющее большинство имеющихся свидетельств касаются лишь телесного, а не духовного начала. А в любви у Высоцкого преобладало именно плотское, животное. Вот замечательное свидетельство, приведенное журналистом «Экспресс-газеты» Борисом Кудрявовым. Скорее всего, оно принадлежит другу Высоцкого, актеру и режиссеру Игорю Пушкареву, вместе с Высоцким снимавшемуся в фильмах 60-х годов, в том числе в «Штрафном ударе» и «Живых и мертвых»: «... Силушку мужскую нужно было куда-то девать. Полез он как-то с друзьями в горы. Добрались до базового лагеря. Остановились на ночевку. И тут Володька говорит: «Все, ребята, больше не могу. Ебаться хочу. Ждите меня через пару дней. И, резко так развернувшись, пошел один вниз. Вернулся через пару дней опустошенный, но такой счастливый. Глаз чистый-чистый. Так что «койка» для него была в первую очередь...»

Во время съемок фильма «Штрафной удар», которые происходили в Алма-Ате летом 1962 года, Высоцкий отрывался с друзьями на славу. Собирались обычно на квартире дочери одного высокопоставленного чиновника. Девочки приходили как на подбор. У нас был такой девиз: «Пока не перебедем пол-Алма-Аты, исключительно казашек, чтоб до русских девок не касаться». Все происходило на самом деле очень красиво. Игриво, смешно. Без пошлянки. Но порой, такое случалось... Однажды, вдоволь навеселившись, крепко поддав, разбрелись по комнатам на ночлег. Каждый со своей избранной. И вдруг среди ночи из Володиной комнаты девичьи вопли-сопли. Да какие! Мы перепугались, соскочили со своих бабцов и туда. Молодые мужики с торчащими хуями, девки с висящими сисями. Смотрим, перед нами прям картина... Живописная. На краю постели сидит Высоцкий и задумчиво так покуривает. Рядом возлегает девица, а из нее, пардон, из ее причинного места торчит сарделька. Не знаем, что делать, что говорить. Смех душит. А баба визжит, стонет, надрывается прямо. Истерика с ней приключилась. Еле-еле успокоили. Видно, до бабы этой не сразу дошло, что с ней сотворил наш проказник. То есть она, видимо, была в полной уверенности, что блаженство-то продолжается. Вот такая шуточка от Высоцкого. С одной стороны – страшный удар по женскому самолюбию. С другой – хохма страшная. И больше мы в тот дом ни ногой».

История умалчивает, была ли злосчастная сарделька свиной или говяжьей. Если свиной, то тут вообще можно говорить о глумлении над религиозными чувствами верующих, поскольку подавляющее большинство казахов и казашек – мусульмане.

Заметим, что рассказ о вставленной в партнершу сардельке относится к распространенным мужским сексуальным фантазиям, богато представленным в интернетовском фольклоре. Вот образец такого фольклора, найденный мной на одном из интернет-форумов:

«Давняя история... Очередное бухалово на квартире у друга. Пили, пока было что пить, потом пошли блядки, трахи и проч. Друган уединился со своей пассией в отдельную комнату. В общем, началась прелюдия: выпили, поцелуи, обжиманцы, короче, во время этой предвариловки друга начинает разносить от принятого количества спиртного, и своим мутным синим разумом он понимает, что довести до логического конца дело он физически не сможет, а девушка меж тем разошлась не на шутку. Другу неохота ее обламывать, чего придумал этот придурок. Лежали они на диване, а рядом на столе выпивка, еда. Оба уже раздетые, в комнате темно, ну он и придумал. Взял со стола еще теплую сардельку, засунул ее девушке между ног, и стал совершать возвратно-поступательные движения. Девушка ничего не заметила, лежит балдеет, стонет. Друг тоже балдеет, типа, клево придумал... А теперь роковой поворот событий.

Девушке вдруг захотелось при свете увидеть своего трахаля-ебара. Она и попросила его (друга) включить свет. Друг на автопилоте встал, пошел и включил свет. У девушки был нервный срыв, потом истерика, потом и другу досталось. Дело в том, что, когда он пошел включить

свет, он забыл вытащить сардельку. Представляете, что подумала девушка, когда включился свет, а внутри у нее (как она думала) торчит его член.

P.S. Сейчас они женаты, у них двое детей!»

Столь счастливого (или несчастливого?) финала в случае с Высоцким, разумеется, не было.

Однако само по себе совпадение рассказа об алма-атинских похождениях Высоцкого с фольклорным мотивом говорит вовсе не о том, что этот рассказ – чистой воды фантазия. Вполне можно допустить, что Высоцкий решил претворить в жизнь одну из собственных сексуальных фантазий. А столь истеричная реакция партнерши могла также объясняться тем, что она сначала подумала, что Высоцкий отрезал себе член, и лишь потом поняла, что у нее во влагалище – безобидная сарделька.

А вот еще одно мнение анонимного свидетеля, приведенное Борисом Кудрявовым: «Высоцкий, между прочим, несмотря на малый рост, был великим ебарем. Кто считал его баб? Он что, Пушкин, что ли? Да, у того баб было немерено. Творчество – это же блядское занятие. Энергию нужно куда-то девать, правда? Если рядом сучки нет, пиши стихи или дрочи...»

«...В молодые годы Володя был «ходоком», причем крутым. Как мужик очень даже «ценился». Бабы от него кипятком писали. Веселые компании крутились вокруг почти каждый вечер. Поддатие, подпитие, разгул, одним словом. В 1961 году, снимаясь в Ленинграде в картине «713-й просит посадки», Володя жил в гостинице.

Немногие помнят, что, приехав на съемки, через какое-то время Высоцкий вдруг резко бросил пить. Почему? Вроде молодой, здоровый парень. Оказывается, он подцепил трепак (триппер, в шутку иногда называемый «гусарским насморком». – Б. С.). Произошло все банально просто. Чей-то «очередной» день рождения справляли в одном из гостиничных номеров. Ну и переспал Вовка с какой-то местной «метелкой». И подхватил это самое... Заболевание ведь обнаруживается, как правило, только на третий день. Элементарно – с конца капать начинается. Это сейчас такие «подхваты» лечатся легче насморка, а в те времена врачи мучили и мучились долго. Нужно было давать подписку о воздержании в половых контактах. Да еще раскрыть партнера, от которого заразился. И целый месяц выдерживать, терпеть амбулаторный режим. Да при этом еще колоться регулярно пенициллином, не злоупотреблять спиртным, совсем его не употреблять. Потом, по прошествии месяца, после первой выпивки – боль дикая».

Вполне можно допустить, что, по крайней мере, в некоторых случаях, когда в запоях Высоцкого происходили перерывы, они вызывались последствиями венерических заболеваний, а не только вшитыми «торпедами» и стремлением завязать с пьянством.

Женщин у Высоцкого было чрезвычайно много. Как вспоминал кинорежиссер Александр Митта, друг и сосед Высоцкого по дому на Малой Грузинской, Володя в шутку советовал ему купить себе автомобиль. «Зачем?» – «За один день можно сразу нескольких женщин объехать!»

Валерий Павлович Янкович, бывший администратор Театра на Таганке и бывший концертный администратор Высоцкого, на великого барда всегда смотрел снизу вверх, как на гения, – признавался в интервью с Борисом Кудрявовым: «Мы сблизились с Высоцким, когда он уже был состоявшимся гением. И сам знал об этом. Может, он меня и приблизил к себе, поскольку я это прекрасно понимал. Во всяком случае, Высоцкий никогда не был для меня Володькой».

Рядом с Владимиром Семеновичем я пробыл последние семь лет его жизни. Он объединил вокруг себя самых разных людей. После его смерти все разбежались по углам, стали, по сути, врагами. Потому что ничего духовного в нас по сравнению с ним не было и вряд ли уже будет».

Не оспаривая несомненное духовное превосходство Высоцкого, главный администратор Театра на Таганке, однако, указал, что «баб у Высоцкого действительно было много. Вот говорят, главная, мол, Людмила Владимировна Абрамова. Потому что она родила ему сыновей.

Да, родила! И что? Люся – лишь маленькая часть его огромной жизни. Самое большое место в сердце Высоцкого занимала все-таки Марина Влади».

И, как утверждал Янкович, без нее Высоцкий был бы «куцый продукт системы, в которой все тогда жили. Смею утверждать, именно Марина Влади сумела привить Володе правильное отношение к деньгам, настоящему труду. Именно она открыла ему мир и открыла его миру. В Марине есть все – и величие, и бабская русская натура, замешанная на кухонной скандальности. Но самое главное в ней – огромное, просто вселенское море любви. Посмотрите на ее полуулыбку. Никакой Джоконде такое даже присниться не могло...

Конечно, в отношениях Высоцкого и Марины была не только любовь. С сексом там, кстати, было не все в порядке. Особенно в последние годы. Когда после Володиной кончины Влади узнала о Ксюхе (Оксане Афанасьевой, последней любви Высоцкого, позднее вышедшей замуж за актера Театра на Таганке Леонида Ярмольника. – Б. С.), это был для нее страшнейший удар...

В молодые свои годы он ведь не был для баб Высоцким. Просто мужчиной, мужиком. Это уж потом многие вообразили себя его музами и ангелами-хранителями. Вот та же Татьяна Иваненко заявляет, что без нее, мол, Володя бы спился. Что говорить об Иваненко? Она одна из его сотен девочек. Ей очень хотелось им поуправлять.

Все, не больше. Какого-то серьезного духовного влияния на Высоцкого как на художника она не оказала. Просто Татьяна одно время очень устраивала его в сексуальном плане...

В последние годы его жизни Ксюха Афанасьева имела, конечно, на него влияние. Володя принимал активное участие в обсуждении ее художественных работ, эскизов. Но при этом рядом с Володей теплились еще как минимум пяток баб. Афанасьева ведь совсем девочкой была. Ему секс с ней очень нравился. А Марина к тому времени становилась слишком довлеющей. А он не терпел давления, особенно от женщин, ни в каком виде!»

Вот еще одно свидетельство об отношениях Высоцкого с женщинами, формально анонимное, но, скорее всего, принадлежащее тому же Янковичу: «Просто Татьяна (Иваненко, актриса Таганки, родившая от Высоцкого дочь Анастасию, которую, однако, Владимир Семенович до конца жизни не признавал своей. – Б. С.) в одно время очень устраивала Высоцкого в сексуальном плане. Он аж весь заходился при одном упоминании Таниного имени. Трахаться с ней очень любил... А потом как-то поостыл, подзабыл... Реже стал к ней возвращаться».

По словам неназванных знакомых Высоцкого, у него с последней женой далеко не все было в порядке в сексуальном плане: «В последние годы жизни Высоцкий сильно тяготился Мариной. «Она так руководит в постели, что у меня уже вставать не хочет», – признавался он друзьям...» Заметим, что тут могла играть свою роль и наркомания Высоцкого.

Как полагал один из друзей барда, «душа Высоцкого рвалась между Мариной и Татьяной. Танька у него была палочкой-выручалочкой. Она, как нянька, вытаскивала его из пагубного омута страстей. Она была его спасением, клинкой. Ей надо поклониться в ножки».

На похоронах Высоцкого Алла Демидова призналась Валерию Золотухину, как с Высоцким «удобно было играть «половые» сцены, когда они оба были в хорошей форме. Партнер – настоящий мужчина».

Также существует мнение, будто «с сексом у Высоцкого с Влади... было не все в порядке. Особенно в последние годы... Поднадоели они друг другу в последние годы порядком...». В то же время «все активные «наезды» Абрамовой на Таньку были еще при жизни Нины Максимоны. Та считала Иваненко последней-распоследней блядью. Семью же разбила. А Люське было, конечно же, очень обидно. Поэтому везде и заявляла – не разбивала, мол, Иваненко

их семью. Да кто она такая? Абрамова даже почему-то отдавала это право – разбивание семьи Марине. Вроде та выше какими-то человеческими качествами...»

А по утверждению актера Игоря Пушкарева, «Высоцкий ведь на спор сошелся с Мариной. В 60-х годах она снималась в Советском Союзе в каком-то фильме у Юткевича. Мы тогда очень гордились – как же, Марина Влади-Полякова, она из наших. Для советского кинематографа подобные съемки были чуть ли не первыми. Но когда газеты раструбили, что француженка приехала со своим любовником – каким-то румыном, да еще с детьми и прислугой, это стало шоком. Они жили в разных гостиницах в люксовых номерах. Потому что западной звезде так полагалось по рангу. Володька, когда обо всем узнал, сразу сказал: «Я Марину выебу!» «Ты что, сдурел?» – заорали мы, друзья. И ведь поспорили! Тогда и появилась знаменитая песня про Влади в зоосаде. Смех смехом, но, когда они сошлись, многие из нас в это не поверили: думали, что так разрешается спор. Ну, и выиграл мужик! Накрыл поляну в ресторане. Оказалось, все гораздо серьезнее, чем кому-то казалось. После случившегося все мы стали потихоньку отдаляться друг от друга».

Вот эта песня о Марине Влади в зоосаде, появившаяся в 1964 году, в первый приезд Марины в СССР:

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде.
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили все это в зоосаде.

– Зачем идти при полном при параде?
Скажи мне, моя радость, Христа ради! —
Она мне: – Одевайся!
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

– Я платье, говорит, взяла у Нади,
Я буду нынче как Марина Влади!
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой – но в наряде.

Зачем же я себя утюжил, гладил?
Меня поймали тут же, в зоосаде.
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика,
И «на троих» зазвали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде.
Глядь – две жены, ну две Марины Влади!
Одетые животными,
С двумя же бегемотами.
Я тоже озверел и встал в засаде...

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде

Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде!

Этой песней Высоцкий напророчил свою судьбу, ибо действительно смог покорить Марину.

Сюжет о том, как Высоцкий на спор соблазнил знаменитую французскую актрису, очень напоминает сюжет популярной советской комедии «Девчата» режиссера Юрия Чулюкина, вышедшей на экраны в 1961 году. Там герой Николая Рыбникова спорит с друзьями на ящик пива, что добьется любви молодой поварихи Тоси, которую играет Надежда Румянцева. Однако затем озорство перерастает в серьезную любовь. Так же получилось и у Высоцкого с Влади.

После того как они поженились, Высоцкий разошелся со многими прежними друзьями. Теперь он стал мужем французской кинозвезды, вращался с ней в высшем свете, открыл для себя мир, посетил не один десяток стран за пределами «железного занавеса». Модные шмотки и дорогие иномарки уже не были для него проблемой. По образу жизни Высоцкий теперь сильно отличался от своих друзей, небогатых актеров, мечтавших об иностранных гастролях как о единственной возможности побывать за границей и молящихся на каждую импортную вещь. Но завидовали Высоцкому не только они, но и настоящие мэтры. Вот как, по словам Золотухина, Юрий Любимов объяснял свое желание заменить Высоцкого в «Гамлете»: «С этим господином я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает... Уезжает в марте во Францию. Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешеные деньги – я не против... на здоровье... но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало».

Золотухин робко возражал: «Мы потеряем его, когда будет найден другой исполнитель. Заменить его, может быть, и следует, но, думаю, не по-хозяйски было бы терять его совсем». Любимов: «Да он уже потерян для театра давно. Ведь в «Гамлете» я выстроил ему каждую фразу, сколько мне это мук и крови стоило, ведь артисты забывают... Нет, я тебя не тороплю. Ты подумай».

Золотухин вообще-то мечтал о «Гамлете», но пытался сохранить и свои отношения с Высоцким: «А чего мне думать? Отказываться? Для меня, для любого актера попробовать Гамлета – великая честь и счастье. Но для того, чтобы я приступил к работе, мне нужен приказ, официальное назначение. Официальное, производственное назначение, а там уж видно будет...»

Соответствующий приказ был издан 25 декабря 1975 года и надолго развел Золотухина и Высоцкого, не простившего другу измены, поскольку понимал, что без согласия Золотухина приказа бы не последовало. Он не без оснований заподозрил друга в желании и невинность соблудности, и капитал приобрести.

Как уже упоминалось здесь, друг Высоцкого Валерий Янкович утверждал: «В молодые свои годы он ведь не был для баб Высоцким. Просто мужчиной, мужиком. Это уж потом многие вообразили себя его музами и ангелами-хранителями. Вот та же Татьяна Иваненко заявляет, что без нее, мол, Володя бы спился. Что говорить об Иваненко? Она одна из сотен его девочек. Ей очень хотелось им поуправлять».

Все, не больше. Какого-то серьезного духовного влияния на Высоцкого, как на художника, она не оказала. Просто Татьяна одно время очень устраивала его в сексуальном плане...

В последние годы его жизни Ксюха Афанасьева имела, конечно, на него влияние. Володя принимал активное участие в обсуждении ее художественных работ, эскизов. Но при этом рядом с Володей теплились еще как минимум пяток баб. Афанасьева ведь совсем девочкой была. Ему секс с ней очень нравился. А Марина к тому времени становилась слишком довлею-

щей. «Она так руководит в постели, что у меня уже вставать не хочет!» – признавался Володя. А он не терпел давления, особенно от женщин, ни в каком виде!»

Замечу, что сама Оксана Афанасьева (Ярмольник) подозревала Владимира только в двух изменах, но Янклович в этом отношении явно является лицом более осведомленным.

По утверждению Валерия Нисанова, вся история с дочерью Высоцкого от Татьяны Иваненко Настей «раскрылась для Марины на похоронах. Услышав новость чуть ли не от самой Иваненко, она была очень возмущена: «Ужас! Что это за бляди! Сейчас все сразу станут Володиными женами!» Матом она ругалась всегда вовсю. Марина возмутилась и по поводу Ксении. Хотя Володя к Ксюше очень хорошо относился, по-отечески».

После смерти Высоцкого Валерий Золотухин – актер Театра на Таганке и одно время близкий друг Высоцкого – записал в своем дневнике об Оксане Афанасьевой: «К. Что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал...»

Свидетели их близких отношений, включая тогдашнюю супругу Владимира Высоцкого, мать его двух сыновей, Людмилу Абрамову, в один голос твердят, что Татьяна Иваненко благотворно влияла на Володю: постоянно вытаскивала любимого из запоев, принимала его в своем доме в любом, самом «разобранном» состоянии. Короче, была настоящей палочкой-выручалочкой. Но лишь до момента близкого знакомства поэта с Мариной Влади.

15 октября 1968 года на квартире московского корреспондента французской газеты «Юманите» Макса Леона произошла знаменательная встреча Высоцкого с Мариной. Там же была и Иваненко. В непримиримой борьбе за любимого мужчину, высказав друг другу пару «ласковых» слов, женщины расстались врагами. Победа, как известно, осталась за Влади. Хлопнув дверью, Татьяна покинула «поле битвы», пообещав Владимиру, «что уйдет из театра и с сегодняшнего дня начнет отдаваться направо и налево».

Брак между Высоцким и Влади был официально заключен 1 декабря 1970 года. Но это не помешало Владимиру сохранить близкие отношения с Татьяной Иваненко. Они часто бывали в одних компаниях на гастролях театра в разных городах. От Высоцкого Таня родила дочь Анастасию.

«Поступила она чисто по-женски – захотела и родила от любимого мужчины, – полагал режиссер Павел Любимов. – Может, надеялась на то, что брак с Мариной Влади распадется. Но этого так и не произошло».

Валерий Янклович сомневался, что Анастасия Иваненко – дочь Высоцкого. Сам бард никогда своего отцовства в данном случае не признавал и денег на ее содержание Татьяне не давал. Однако практически никто из театральных друзей Высоцкого не сомневался в его отцовстве. А в начале 90-х годов, во время одного из своих приездов в Москву, Марина Влади встретила не только с Татьяной Иваненко, но и с Настей, фактически признав отцовство Владимира. Она понимала, что из-за нее Высоцкий официально так и не признал дочь. Ведь сам факт ее существования и появления на свет 26 сентября 1972 года разрушал созданную им же легенду о том, что Влади – это его единственная любовь. А тут получается, что через три года после брака с ней у него рождается дочь, что, очевидно, подразумевает серьезные отношения с ее матерью. Впрочем, Высоцкий никогда не был однолюбом. По свидетельству одного анонимного источника из Театра на Таганке, «нам казалось, Владимир Семенович корил себя за малодушие. Ему было стыдно, что не хватило духу официально признать дочку. В те годы не принято было афишировать незаконнорожденных детей. Высоцкого и так власти не любили. Иногда Владимир жаловался, что запутался в любви и живет не так, как хотелось. Иваненко не упрекала, не рассказывала о своей любви. Больше не вышла замуж, вырастила дочь, дала ей хорошее образование. Сегодня Таня формально числится в труппе Театра на Таганке. Получает небольшой оклад ежемесячно. Так решило руководство, понимая, что она – часть истории театра, связанной с Высоцким».

Как вспоминал друг Высоцкого режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, «Высоцкий нравился многим женщинам. Они от его бешеной энергетики сходили с ума, клали в почтовые ящики обручальные кольца с записками: «Я тебя хочу». Но главной женщиной его жизни была актриса Театра на Таганке Таня Иваненко. Отношения с Владимиром у нее начались задолго до появления в его жизни Марины Влади и продолжались при ней. Володя понимал, что мучает Татьяну. Но не мог ее бросить, она страдала. Только Марина уедет, Володя тут же притаскивает Таню к нам в Одессу. Ее я снимал по просьбе Володи в своей картине «Внимание! Цунами!»... Таня ему ни в чем не отказывала. Я такую преданность патологическую в женщинах не видел. Он был алкоголиком, как и я. В Одессе запил. Она прилетала, ухаживала, убирала за ним, приводила в человеческое состояние и – ни одного бранного слова. Влади, когда Володя запивал, уходила на тусовку, оставляла его с приятелями. Ей было неприятно видеть мужа в ужасном состоянии. А Таня жила только Володей. Единственное, чего она не выполнила, не отказалась от их ребенка. Для нее это было все равно что убить Володю. Потом она просто исчезла из жизни всех его друзей, дозвониться ей стало невозможно. Она выполняла в каком-то плане его желание. Он не хотел, чтобы кто-то знал об этом ребенке, и она исчезла вместе с ним. Мне казалось, они прекратили связь. Девочку я не видел. Это было страшной тайной и считалось для его друзей неприличным – домогаться вопросами».

Можно сказать, что для Высоцкого секс был родом наркотика, позволявшим на какое-то время забываться, уходить от грустных мыслей. В отношениях с женщинами, а их у него были сотни, если не тысячи, для Высоцкого главным был секс, а никакая не духовность. С несколькими из влюбленных в него женщин, включая Людмилу Абрамову, Татьяну Иваненко, Марину Влади и Оксану Афанасьеву, у него были длительные романы, продолжавшиеся по нескольку лет и предполагавшие определенную духовную близость партнеров. Однако ни в какой момент эти женщины у него не были единственными. Духовное в женщине для него явно стояло на втором месте, хотя все те женщины, с которыми у него были серьезные отношения, представляли творческие профессии, будучи актрисами или художниками.

Характерно, что у Высоцкого в песнях практически нет любовной лирики. А если вдруг лирический мотив появляется, он тут же сводится на нет иронией. Как, например, в песне «Городской романс»:

Я однажды гулял по столице и
Двух прохожих случайно зашиб.
И поавши за это в милицию,
Я увидел ее – и погиб.

Я не знаю, что там она делала —
Видно, паспорт пришла получать.
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней – и запомнил парадное.
Что сказать ей? – ведь я ж хулиган...
Выпил я – и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие —
Мне хоть просто кричи «Караул!» —
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги просто рекою текли.
Я ж такие ей песни заказывал!..
А в конце заказал «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь.
Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне.
А она мне сказала: «Я верю вам —
И отдамся по сходной цене».

Я ударил ее, птицу белую, —
Закипела горячая кровь:
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

Судя по сохранившимся свидетельствам, сам вполне мог ударить женщину, как делают многие из его лирических героев. Даже на Марину Влади он в состоянии подпития поднимал руку. 16 марта 1970 года Валерий Золотухин записал в дневнике шокирующее признание Высоцкого: «Валерка! Ну почему мы с тобой не можем встречаться?! Я говорю Марине: поедем к Валерке, спросим у него, как нам жить... Но у тебя свои дела, тебе самому...

– Я скоро повешусь от одиночества, Володя!

– У меня такая трагедия... Я ее вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь... Что она мне устроила... Как живая осталась...»

Заметим, что герой Высоцкого в песне тоже «Выбил окна и дверь. И балкон уронил». Только эти пророческие строчки появились еще в 67-м году, когда они с Влади только-только познакомились. Впрочем, Высоцкий в состоянии «пике», наверное, не раз крушил чьи-то окна и двери и бивал подвернувшихся под горячую руку мужчин и женщин, а заодно крушил мебель и посуду. По счастливой случайности, обходилось без трагических последствий.

Конечно, слава развращала Высоцкого. Влади неслучайно подметила в своей книге, что в любой компании всегда находились молодые девушки, готовые исполнить любые капризы Высоцкого. Мне представляется, что по-настоящему, в духовном смысле, Высоцкий никого не любил. В нем только отражалась любовь тех женщин, которые его любили. Из тех женщин, у которых с Высоцким были длительные романы, самой значительной творческой личностью была, как представляется, Марина Влади (да простят меня другие жены и возлюбленные моего героя). И в духовном смысле она любила его сильнее других, а потому и отражение любви было сильнее. Оттого большинству окружающих казалось, что Высоцкий ее любил сильнее других. На самом деле он по-настоящему не любил никого. Секс же был для него таким же способом разрядки после все увеличивавшихся артистических нагрузок, как и алкоголь и наркотики. И точно так же вел его к саморазрушению и самоубийству. Концертов становилось все больше и больше, разрядка требовалась все чаще. Сексуальные желания у Высоцкого ничуть не уменьшались, а вот возможности их реализации наверняка в последние годы были существенно подорваны наркотиками. Это создавало еще одно противоречие, тяжело давившее на

психику Высоцкого. А это заставляло все чаще прибегать к наркотикам, что вело к неминуемой гибели.

С Оксаной Афанасьевой, своей последней возлюбленной, Высоцкий познакомился в 1978 году, когда ей было 18 лет. Она училась в Текстильном институте на дизайнера, а потом стала известным театральным художником. Она так вспоминала об историческом знакомстве: «Я пришла на спектакль – к тому времени я уже ходила на Таганку. Зашла в администраторскую в антракте, чтобы позвонить. Там сидел Володя, и администратор Яков Михайлович Безродный сказал: «Ксюша, это Володя Высоцкий. Володя, это Ксюша». Володя в это время разговаривал по телефону, но сразу повесил трубку. Почему-то мимо аппарата.

И вот о судьбе: в тот день я вообще-то шла на другой спектакль, а его заменили на тот, что я уже видела. Могла уйти, но осталась из-за подружки. А Володя в тот день тоже не играл – он просто заехал кому-то заказать билеты. «Куда вы после спектакля?» – спросил он. «Домой». – «Не бросайте меня, я вас подвезу».

И подвез на 280-м серебристом «Мерседесе». Оксана продолжает: «Было смешно: когда я вышла, на улице стоял Вениамин Борисович Смахов на зеленых «Жигулях». «Ксюша, давайте скорее, я вас жду». – «Нет, нас уже подвозят». – «Кто?» Я показываю на Володю. Веня смотрит на него и говорит: «Ну конечно, где уж моим «Жигулям» против его «Мерседеса!» Но на самом деле «Мерседес» не играл никакой роли, мы тогда были беспонтовые: машина – не роскошь, а средство передвижения... я никогда не была театральной сырихой, поэтому для меня Володя не был божеством. В доме у нас, на Пушечной, собирались люди совсем непростые. Мой папа и мой брат дружили, например, с Леней Енгибаровым, приходил Лева Прыгунов, другие интересные люди. Это была моя среда. А Володя... Он для меня был очень таинственной фигурой. Про него ходили легенды, сплетни: Володя – алкоголик, бабник и вообще последний человек на этом свете...

Я боялась, что чувства с моей стороны могут быть гораздо сильнее и искреннее, чем с его.

В тот день, когда мы прощались, он сказал: «Дайте мне ваш телефон, я приглашу вас на «Гамлета». Но, когда позвонил и пригласил на спектакль, я уже собралась на Малую Бронную. «Знаете, Владимир Семенович, – сказала я ему... – Я иду на Эфроса». А он: «Ну давай, я сыграю «Гамлета» и подъеду за тобой. И мы пойдем поужинаем». И вот тут во мне что-то екнуло. Во время спектакля я волновалась ужасно. Моя подружка говорит: «Что ты дергаешься? Все бабы Советского Союза мечтали бы пойти поужинать с Высоцким. А ты – не пойду, неудобно. Дура!» И я думаю: «В самом деле, это же дико интересно, такой человек...» Вышла из театра, тут подшуршал Володя на своем «Мерседесе», и мы поехали к нему домой. Я была у него в гостях, «на Грузинах». «Не надо меня звать Владимир Семенович», – сказал он мне тогда. Володя за мной нежно ухаживал, угощал деликатесами из магазина «Березка». Было какое-то вино, печенку жарил сам. Печенка таяла во рту...

Потом он меня привез домой, на Пушечную. Сказал, что уезжает в Париж и непременно позвонит, когда вернется. Проходит какое-то время, и действительно звонит Володя: «Привет, привет, я приехал». Мы с ним перешли на «ты», и наши отношения стали как-то развиваться...

У него все было обволакивающее. Дико харизматичный. Наверное, не было ни одной тетки, которая могла бы устоять. Володя был охмуритель абсолютно профессиональный...

Сети не расставлял. Просто это было в нем самом. Вдруг он стал мне звонить. Начал ухаживать, и это была не случайная связь – встретились, переспали, разбежались, а настоящий роман в его классической форме. Я для себя решила: пусть это будет три дня, неделя, но я буду с этим человеком, потому что он не такой, как все. И что будет дальше – все равно. В общем, я влюбилась. Но отдавала себе отчет, что не могу ничего требовать. Моя жизнь – это моя жизнь, моя любовь – это моя проблема...

Когда наш дом на Пушечной стали расселять, родители разменяли квартиру на двухкомнатную в Медведкове и однокомнатную на улице Яблочкова. Туда поехала я. И все говорили,

что он купил мне квартиру. Ничего подобного. Но... он помогал мне, более чем. Я не была бедной студенткой – у меня был папа, тети, обожавшие меня. А когда появился Володя, я уже ни в чем не нуждалась. Володя просто запретил мне пользоваться общественным транспортом. «Ты должна ездить на такси, чтобы не тратить время. Не хочу, чтобы тебя толкали и зажимали в метро», – сказал он...

Содержания никакого не было. Да и я никогда ничего не просила. Володя давал деньги, делал подарки, он меня одевал, обувал, покупал какие-то вещи в дом. На новоселье купил мне холодильник. В то время нужно было все доставать. А для него таких проблем не существовало.

Если он привозил туалет, то к нему обязательно сапоги, сумку. У меня все было сногсшибательное и в большом количестве – например, 17 пар сапог. Егор Зайцев, мой сокурсник, если мы приходили с ним в компанию, представлял меня так: «Вот это девушка, познакомьтесь, у нее 17 пар сапог!» А люди по три года в одной паре ходили... Он вообще очень любил, чтобы его вещи радовали и по-особенному принимались». Высоцкий настолько расщедрился, что, по словам Оксаны, хотел купить возлюбленной «маленькую спортивную «BMW» красного цвета... чтобы все видели, как я по Москве рассекаю. Володя в мелочах все-таки понты любил, хотя был абсолютно беспонтовый. Так и говорил: «У меня все должно быть лучшее – и машина, и бабы...» По ее признанию, в сексе с Высоцким «все у нас было естественно».

Оксана также оставила нам описание творческого процесса Высоцкого: «Просто не спал, лежал, курил, потом в какой-то момент вставал и все-все-все записывал. Он не высиживал строчки, не правил, а сразу – раз, и на бумагу. Потом будил и говорил: «Послушай, послушай». Пел, сразу подбирая какую-то мелодию. Я видела: смотрит телевизор со стеклянными глазами, много курит, пепельница полна окурков – значит, работает».

Человеческие же качества Высоцкого его возлюбленная охарактеризовала следующим образом: «Он был жесткий человек, знал себе цену и никогда в жизни никому не позволил себе хамить. Он был свободным человеком. Даже по отношению к шефу он так умудрялся выстраивать отношения, что он диктовал, а не Любимов. Люди не могли себе позволять то, что позволял себе Володя, – сорвать спектакль, от чего-то отказаться. И ему это прощалось».

Больше всего меня поражало, как он удивлялся. «Откуда это берется? Вот птица гамаюн, я даже не знал, что такая есть. Только потом узнал, когда написал». Радовался неожиданной рифме, которой нет ни у кого. В какие-то моменты он напоминал Пушкина, который говорил: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын».

Оксана вспоминала, как «был момент, когда в институте я разочаровалась в людях: поняла, что 90 процентов из них потребительски ко мне относятся. Плакала, в депрессуху впала. А Володя сказал тогда: «Люди так сделаны, запомни».

Творческим успехам Ксюши Высоцкий искренне радовался: «Когда я приходила в платье, которое сшила за один день, для него это было потрясением. Он привозил мне из Парижа ткань, ну подумаешь, кусок какой-то тряпки, а она превращалась в платье, и это было волшебством для него. Его потрясало то, что делалось человеческими руками».

Подшивала – брюки, джинсы... У Володи был такой день, его он называл «днем раздачи денежных знаков населению». Это когда своим друзьям он раздавал вещи: очень любил, чтобы человек хорошо одевался. И сам любил хорошо и дорого одеваться. Любил качественные вещи. А те джинсы, что подшивала я, он никогда не отдавал. «Не отдам, их подшивала Ксюша».

По свидетельству Оксаны Афанасьевой, после знакомства с Высоцким КГБ однажды пыталось завербовать ее в сексоты: «Я была на практике в Ленинграде. И как-то девчонки мне сказали, что мной интересуется один очень симпатичный парень. Все решили, что он кадрится ко мне. В Ленинграде Володя поселил меня в «Астории» – в лучшей по тем временам гостинице. Он не хотел, чтобы я жила в общежитии. И вот однажды я прихожу и узнаю, что меня выселили из моего номера. Говорят, что надо пройти в такую-то комнату и что там ждут какие-то люди. Я пришла, и выяснилось, что меня могут задержать за хранение валюты. А валюта

у меня действительно была – долларов десять мелочью (Володя мне оставил эту мелочь). На них я в баре интуристовской гостиницы покупала себе тоник... Они мне тогда все про меня рассказали – кто я, кто мои родители, что папа во время войны сидел за дезертирство (никакого дезертирства не было, просто после ранения дед прятал его). Меня не запугивали, не кричали, а очень деликатно спрашивали: «Вы там бывали? А кто еще туда ходит? А кто с Высоцким разговаривал и что говорил? Может быть, вы все нам напишете?» Я, естественно, сказала, что писать мне нечего. Но самое интересное произошло потом: тот парень, что сначала мной интересовался, предложил мне выйти замуж за него. Более того, он на свои деньги купил мне билет на поезд и сказал, чтобы я уезжала из Ленинграда. Помню, что его звали Руслан». По словам Оксаны, Высоцкий был в шоке от того, что гэбист предложил его любовнице выйти замуж. Несомненно, чекисты были в курсе если не всех, то большинства любовных походов Высоцкого, но законную супругу ставить в известность об этом не спешили. То ли проявляли деликатность, то ли опасались международного скандала. Так что вплоть до похорон Высоцкого Марина о существовании Оксаны не знала. Оксана же, разумеется, была прекрасно осведомлена о наличии французской жены, но этот факт ее не особенно беспокоил: «Как-то меня это не очень смущало. Потому что Марина – она ведь была где-то. И не было такого: он днем со мной, а вечером уходит к ней. Она жила своей жизнью, пару раз приезжала в Москву, и Володя ненадолго ездил к ней в Париж».

Оксана, правда, утверждала, что и при жизни Высоцкого Марина знала о ее существовании: «Знала. Ну а что она могла сделать? Я помню, она приехала из Парижа, и мы неделю с Володей не виделись. Я повела свою подругу на «Гамлета». Сидим на приставных стульях в центре зала. Володя играет. Следующая сцена была без него. Вдруг я чувствую, что меня кто-то дергает за подол юбки. Ну, думаю, совсем обнаглели, уже в театре пристают. Вижу, что и соседи на меня как-то в изумлении смотрят. Наконец в темноте рассмотрела – Володя в бархатных джинсах, сапогах, на полусогнутых подошел сзади и дергает меня: «Пойдем, пойдем выйдем» – и извиняется знаками перед зрителями. Он не знал, что я приду, он увидел меня со сцены. Я-то ладно, а народ обалдел».

Думается, однако, что Марина, не упомянула ни словом об Оксане в своей книге о Высоцком не потому, что не хотела, чтобы в этом памятнике их любви присутствовала ее удачливая соперница. Она, конечно, могла слышать, что вокруг Высоцкого вьются разные женщины, и в его абсолютную верность не верила, прощая ему мимолетные увлечения. Но вот то, что у него появилась серьезная любовь, – не подозревала.

Как рассказал парижский знакомый Высоцкого болгарин Дино Динев, «у меня был свой замок в пригороде Парижа возле Версаля, и Володя, приезжая во Францию, оставлял чемодан у Марины Влади, а жил у меня... Мы иногда захаживали с ним в бардачок «У Тани», который назывался так в честь хозяйки, старой московской блядушки. Сейчас-то она уже умерла. А в то время там концентрировались проститутки из Советского Союза. Таня мне всегда звонила: «Диночка, приходи вечером, украинка новая приехала!» Володя Высоцкий очень любил там бывать. Играл частенько до шести утра и много импровизировал. Таня даже купила для него гитару. И девушек навещать он любил. Это стоило 300 франков, примерно 60 долларов. Спросите, а как же Марина Влади? Да не любил он ее! Это же было очевидно. Впрочем, она его тоже. Каждый из них жил своей жизнью...»

Думаю, что парижский друг, больше смахивающий на сутенера, не прав. Пусть Марина и Владимир виделись в последние годы не так часто. Высоцкий любил свою французскую музу и нуждался в ней не меньше, чем в Оксане, и не только потому, что брак с Мариной давал ему свободу передвижения по миру. Духовная близость у них сохранялась, и недаром перед смертью Владимир собрался вырваться в Париж и даже имел на руках билеты туда на 29 июля 1980 года.

В последние дни жизни на вопрос Игоря Шевцова: «Ты часто можешь ездить?» – Высоцкий ответил:

«– Пока да.

– А по положению?

– Вообще-то, раз в год, но Марина мне исхлопотала так. Пока дают, а дальше...

– У нее положение прочное?

Он махнул рукой, усмехнулся:

– Это сначала она: «Россия! Родина!» Ностальгия... Но – быстро все поняла. Теперь в обществе «Франция – СССР» не бывает вообще, а у меня с ними – говорить нечего».

Высоцкий понимал, что в случае развода с Мариной Влади его перестанут свободно пускать за границу. Но такое могло произойти также и в том случае, если бы Марина отдалась от французских коммунистов. А такая угроза была вполне реальной.

Оксана признавалась: «Мне всегда нравились мужчины намного старше меня, с ровесниками у меня никогда не было никаких романов. Да и папа мой был старше мамы. И потом, когда мама рано умерла, все его последующие жены были намного его моложе.

Но с другой стороны, Володя для меня был мальчишкой – юмор, хулиганство, энергия, но при этом все было осмысленно, невероятно интересно. Да и я не смогла бы влюбиться в человека, который просто хороший человек. Это не снобизм: вот я дружу только с великими – нет. Я могу влюбиться в кого угодно, но он должен быть очень талантливым и интересным.

Однажды он меня нарисовал, хотя совершенно не умел этого делать. Он меня нарисовал с тремя глазами. Сказал: «У тебя есть третий глаз, потому что у тебя очень сильная интуиция».

По словам Оксаны, Высоцкий ее ревновал: «Смешной был случай: я первой вышла из дома на Грузинской, Володя задержался. Там же находился Союз графиков, и два подвыпивших художника, которые шли за мной, сказали какую-то гадость – такое мужское хамство, но с интересом. Я повернулась: «Пошли вы...». В это время из подъезда вышел Володя с Лешей Штурминым (основоположник советской школы карате. – Б. С.). И не разбираясь, не спрашивая, бросились на них, и началось смертоубийство. Через минуту все кончилось. Мужики – и те и другие – стояли с оторванными рукавами, синяками, разбитыми носами».

Но и сам Владимир давал нешуточные поводы для ревности, пару раз изменив своей новой любви. Оксана вспоминала: «Для меня это было жуткой трагедией, когда я об этом узнала. Если бы это произошло сегодня, я бы рассмеялась. А тогда... Я даже уходила, он за мной приезжал, и все меня уговаривали вернуться. Вот Первомайские праздники, и Володя должен приехать за мной. Жду его дома на Яблочкова. Нет. Звоню, подходит Янклович. «Не волнуйся, все нормально, мы тебе позвоним». – «А где Володя?» – «Он не может подойти». – «Я сейчас приеду». – «Нет-нет, не вздумай».

Беру такси, через 10 минут вхожу в квартиру, там – е-мое: столы грязные, посуда, бутылки – настоящее гулялово. Захожу в спальню. Там Даль спит с какой-то бабой. Кошмар, вертеп, воронья слободка. Я хочу войти в кабинет, и вдруг оттуда выходит девка, мне знакомая, – в рубашке, босая. Я зову ее на кухню: «Ира, значит так: я сейчас уезжаю. Я приеду в половине третьего. В половине третьего в квартире должна быть идеальная чистота, помойка вынесена, и вас, б...й, не должно быть здесь даже духу». И уезжаю. Пошла на рынок. Через полтора часа звоню: «Все убрали?» – «Да». – «Хорошо. Можете спускаться».

Я приехала – девственная чистота в квартире, девственно на кровати спит Володя, в другой комнате спит одинокий Даль. Он проснулся, вышел, и я первый раз в жизни видела, как у человека трясутся руки и он пьет, держа стакан водки через шею на полотенце. У Володи такого не было. Я Володе потом ни слова не сказала, он извинялся. И еще потом был один неприятный эпизод – всего второй за два года».

Янклович эпизод с визитом Даля тоже запомнил: «1 мая к Володе приехал Даль «в полном разборе», сказал:

– Володя, я не могу идти домой в таком состоянии. Побуду немного у тебя...

Тогда Володя понял, что надо срочно что-то делать. Он сказал Олегу:

– Ты знаешь, у меня есть друг – врач Толя, он тебя посмотрит...»

Оксана: «В разобранном состоянии – это не то слово... Когда я зашла – первое впечатление, что человек неживой. К вечеру Даль пришел в себя».

А вот каким Даль запомнился личному врачу Высоцкого Анатолию Федотову: «Даль приехал... Володя говорит:

– Все! Надо вшиваться!

Есть такие таблетки «тетурам», их вшивают под кожу...

Еще эти таблетки называют «эспераль»... Метод лечения основан на страхе: выпьешь – станет очень плохо. Препарат блокирует фермент печени, который расщепляет алкоголь. Накапливаются кислые продукты – это мучительно...» 2 мая он вшил «эспераль» Далю.

Оксана, несмотря на измены, на Высоцкого не обижалась: «Он вообще был благодарным человеком. Когда мы начали с ним жить и я первый раз у него ночевала, мы утром встали, и я убрала постель. Для него это было потрясением. Клянусь. Он сказал: «Ты – первая женщина, которая убрала за собой постель...» Я же не знаю, как другие, но получалось, что они пользовались. А тут вдруг он понял, что я делаю это не потому, что он – Высоцкий, а человек, которого я люблю».

Оксана не знала, что Высоцкий изменял ей не дважды, а, по свидетельству Янклевича, не менее пяти раз.

Алкоголизм Высоцкого

В великом барде словно всегда боролись два начала – темное и светлое.
Помните песню Высоцкого «Раздвоенная личность»?

И вкусы, и запросы мои странны,
Я экзотичен, мягко говоря,
Могу одновременно грызть стаканы
И Шиллера читать без словаря.

Во мне два «я», два полюса планеты,
Два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты,
Другой стремится прямо на бега.

Я лишнего и в мыслях не позволю,
Когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
Второе «я» в обличье подлеца.

И я боюсь, давлю в себе мерзавца,
О, участь беспокойная моя!
Боюсь ошибки: может оказаться,
Что я давлю не то второе «я».

Когда в душе я раскрываю гранки
На тех местах, где искренность сама,
Тогда мне в долг дают официантки
И женщины ласкают задарма.

Но вот летят к чертям все идеалы.
Но вот я груб, я нетерпим и зол.
Но вот сижу и тупо ем бокалы,
Забрасывая Шиллера под стол.

А суд идет. Весь зал мне смотрит в спину,
И прокурор, и гражданин судья.
Поверьте мне, не я разбил витрину,
А подлое мое второе «я».

И я прошу вас, строго не судите,
Лишь дайте срок, но не давайте срок,
Я буду посещать суды, как зритель,
И в тюрьмы заходить на огонек.

Я больше не намерен бить витрины
И лица граждан. Так и запиши.
Я воссоединю две половины

Моей больной раздвоенной души.

Искореню! Похороню! Зарою!
Очищусь! Ничего не скрою я.
Мне чуждо это «я» мое второе.
Нет, это не мое второе «я».

Первое впечатление – замечательная шуточная пародия в образе пьяного хулигана на извечное русское свойство оправдывать даже самые низкие свои поступки воздействием неких внешних злых сил. Даже если эти силы вроде как составляют часть души лирического героя, но они все равно остаются там частью внешней, чужеродной, неосознаваемой. Словно герой стихотворения действуют в состоянии аффекта или в него вселяется дьявол. И пьяный, конечно же, совершенно не помнит наутро, что и как творил в хмельном угаре, и потому искренне недоумевает, почему его судят и собираются посадить.

А вот еще песня, одна из самых ранних:

Если б я был физически слабым —
Я б морально устойчивым был, —
Ни за что не ходил бы по бабам,
Алкоголю б ни грамма не пил!..

Если б я был физически сильным —
Я б тогда – даже думать боюсь! —
Пил бы влагу потоком обильным,
Но... по бабам – ни шагу, клянусь!

Ну а если я средних масштабов —
Что же делать мне, как же мне быть? —
Не могу игнорировать бабов,
Не могу и спиртного не пить!

Конечно, примерным пионером и комсомольцем Володя Высоцкий никогда не был. Не был он ни набожным христианином, ни примерным семьянином. А вращался он в такой среде, сначала дворовой, потом театральной, где не пить было просто нельзя. На беду, у Высоцкого скоро обнаружился природный алкоголизм (а склонность человека к этой болезни определяется исключительно генами), что предопределило его судьбу. Хотя, окажись его печень покрепче и не пристрастился Высоцкий к наркотикам, он и сегодня мог бы радовать нас своим творчеством. И, наверное, и женщины, и выпивка в его жизни в наши дни бы присутствовали. А вот песен того качества, что в 60 – 70-е годы, он, боюсь, больше не создал бы. Дело в том, что авторская, или бардовская, песня – жанр, к которому обычно относят творчество Высоцкого, – была востребована в период поздней оттепели и позднейшего «застоя», т. е. в период с конца 50-х до второй половины 80-х годов XX века. Затем, с началом перестройки и крахом СССР, значимых авторских песен, по крайней мере, у тех бардов 60 – 70-х годов, которым посчастливилось дожить до 90-х годов и полной, казалось бы, общественной свободы, написано больше не было. Дело было, конечно, и в наступившей старости, ослаблении творческих порывов. Но в еще большей степени – в том, что время переменялось. Для тех настроений, которые ранее выражала авторская песня, появилась масса других каналов – радио, телевидение, пресса, общественно-политические дискуссии и прямая политическая борьба. Стало широко доступно творчество западных певцов и композиторов самых разных жанров. Напомню, что

пионер авторской песни Булат Окуджава, скончавшийся в 1997 году в Париже, куда приехал на лечение, фактически перестал писать песни в 1988 году, когда создал их только три. Последнюю песню, «Отъезд», Окуджава создал в 1996 году, чувствуя приближение кончины:

С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга.
Бричка вместительна, лошади в масть.
Жизнь моя, как перезревшее яблоко,
Тянется к теплой землице припасть.

Высоцкий был младше Окуджавы на 14 лет. Если бы он прожил на свете столько же лет, сколько Булат Шалвович, ему суждено было бы умереть в 2011 году. Но вряд ли бы он много песен написал после конца 80-х. Хотя вполне возможно, что тогда Владимир Семенович обратился бы преимущественно к стихам и создал бы собственно стихотворные шедевры. А так его творчество свелось почти исключительно к песням. И ни одно из стихотворений Высоцкого так никогда и не обрело той популярности, какую имели его песни, ни одно не было признано поэтическим шедевром.

Вообще, Высоцкий неоднократно возражал, когда его творчество причисляли к авторской, или бардовской, песне, которую еще называли самодеятельной. Он резонно возражал, что он все-таки профессиональный артист и потому его песни – отнюдь не самодеятельность. Но бардом Высоцкого, как мне кажется, вполне правомерно называть. Ведь кто такие были барды? Это поэты – исполнители собственных песен, которые либо жили при дворах кельтских королей или вождей, либо странствовали (кельтское «bardos» означает «провозглашать, петь»). Фактически это были профессиональные артисты, зарабатывавшие на хлеб своим ремеслом. Любопытно, что кельтские барды славились не только своими песнями, но и своими любовными похождениями. Да и добрую чарку вина или пива любили пропустить чуть не каждый день. И в этом отношении от них в своем большинстве не отличались советские барды 60 – 80-х годов. Бывшая жена одного из них как-то признавалась в разговоре, что супруг был охоч до прекрасного пола, аки мартовский кот, из-за чего им и пришлось в конце концов расстаться. Высоцкий же среди советских бардов был несомненным чемпионом как по части выпивки, так и по обширности своего донжуанского списка.

Считается, что почти у каждого великого художника-творца (а к артистам это особенно относится) в душе существует некий внутренний разлад, который успешно преодолевается каждый день посредством творчества. Никакой трагедии этот разлад сам по себе не несет, наоборот, становится мощнейшим источником творчества. Беда, однако, случается в том случае, если творец является природным алкоголиком или, не дай Бог, пристрастится к наркотикам. Тогда алкоголь и наркотики также становятся, наряду с творчеством, мощными средствами преодоления душевного разлада. В конце концов они почти всегда ведут художника к гибели либо посредством преждевременной смерти (особенно наркотики), либо, если благодаря крепкому организму художнику доведется прожить достаточно долго, к постепенному разрушению творческого начала и его вытеснению на периферию жизни. У Высоцкого, которому довелось прожить всего сорок два с половиной года, наркотики и алкоголь почти не успели повлиять на творческую составляющую (хотя в последние месяцы жизни барда она уже явно находилась в угнетенном состоянии). Зато они чрезвычайно быстро разрушили от природы очень крепкий организм актера и свели его в могилу.

Здесь Высоцкий был совсем не одинок, и его судьба очень мало зависела от того, при каком общественно-политическом строе он жил. Тот же путь повторили многие его западные коллеги, в чем преждевременном уходе из жизни никак не приходится винить тоталитарную систему.

Может быть, последний и наиболее яркий пример – судьба короля мировой эстрады Майкла Джексона, который пережил Высоцкого всего лишь на восемь с половиной лет и к концу жизни оказался полной развалиной как в физическом, так и в психологическом отношении. Джексон не был наркоманом в строгом смысле слова, но фактически подсел на пропופол и другие снотворные средства. В смерти певца и танцора, музыканта и композитора официально винят его лечащего врача, допустившего роковую передозировку пропорофала. И точно так же в смерти Высоцкого будут винить его лечащего врача, который, согласно некоторым версиям, допустил передозировку то ли наркотика, то ли какого-то успокаивающего средства.

Кстати сказать, к песенному творчеству как к главному делу его жизни, по справедливому замечанию его второй жены Людмилы Абрамовой, Высоцкий пришел от безысходности: «А почему он начал писать песни, которые – Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? А что делать Актеру с самой большой буквы – Великому Актеру! – когда ему нечего играть? Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: «Дай-ка я сяду и напишу себе репертуар...» Так не было. А вот когда есть потребность себя высказать, а негде: в «Свинных хвостиках», что ли, или в «Аленьком цветочке» (в этих спектаклях Театра имени А.С. Пушкина Высоцкий играл эпизодические роли. – Б. С.)? Вот он и зазывал своих друзей, придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали».

Таким образом, Высоцкий стал сам себе режиссер, композитор, аккомпаниатор и поэт, писавший песни – мини-спектакли. Но и выкладываться такому артисту-универсалу приходилось сторицей. А природный алкоголизм сразу же подсказал главное средство расслабления после тяжелейших нервных перегрузок. И пошло-поехало. Как сказал о Высоцком один из его друзей, «он сам себя загнал».

Приведем еще одну песню Высоцкого на тему пьянства – «Ох, где был я вчера...»:

Ох, где был я вчера – не найду, хоть убей!
Только помню, что стены – с обоями,
Помню – Клавка была, и подруга при ей,
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Что я голым скакал,
Что я песни орал,
А отец, говорил,
У меня – генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продыхнуть —
Донимал их блатными аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал,
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,

Растворивши окно,
Просто выбросил вниз.

И мене не могли даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились —
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А потом уже все позабавились:

Кто плевал мне в лицо,
А кто водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
А молодая вдова,
Верность мужу храня —
Ведь живем одна, —
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную.
«Развяжите, – кричал, – да и дело с концом!»
Развязали, но вилки попрятали.

Тут вообще началось —
Не опишешь в словах!
И откуда взялось
Столько силы в руках —
Я, как раненый зверь,
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил.

Ох, где был я вчера – не найду днем с огнем!
Только помню, что стены – с обоями...
И осталось лицо – и побои на нем,
И куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно —
Ну, хотя бы на треть, —
Остается одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Все смогла пережить,
Пожалела меня
И взяла к себе жить.
Хорошо!

Зарисовка, что и говорить, колоритная. Тут буян, без какого-либо намека на творческую одаренность, о своих похождениях узнает только со слов очевидцев-друзей, которые его «развязали, но вилки попрятали». И в роли спасительницы выступает молодая вдова, способная

принять его такого, в надежде обуздать его разрушительную стихию. В жизни такой спасительницей выступала Марина Влади, с которой Высоцкий познакомился как раз в июле 67-го, в год написания песни. Но в тот момент он еще не знал, какую роль ей предстоит сыграть в его судьбе. На то, что она была прототипом героини этой песни, претендовала актриса Лионелла Пырьева, вдова известного режиссера Ивана Пырьева. Однако их роман с Высоцким случился в 1968 году, уже после появления этой песни. Кстати сказать, именно Пырьева после одного из запоев сдала Высоцкого в психиатрическую клинику, где он пробыл всего несколько дней. Запой удалось прервать, но недуг не был излечен.

Или вот еще цитата из песни на тему пьянства:

Считать по-нашему, мы выпили немного.
Не вру, ей-богу. Скажи, Серега!
И если б водку гнать не из опилок,
То что б нам было с пяти бутылок?

И здесь вроде бы герой шутовской, так что у слушателей и читателей даже мысли не должно было возникнуть, что это – сам бард. И только близкие друзья знали, насколько все это автобиографично, вплоть до величины выпитых доз горячительных напитков. Вот друг Высоцкого, актер Таганки Борис Хмельницкий, отвечая на вопрос интервьюера «Как вы считаете, почему многие актеры так подвержены пьянству?», утверждал: «Потому что у нас работа такая – экстремальная. Мы все пропускаем через свою нервную систему, через свои эмоции. Актеры живут и умирают на сцене, на съемках – так ушли Миронов, Вергинский, Шукшин... Высоцкий тоже умирал на сцене, ему уколы делали за кулисами, когда он играл Гамлета. И многие другие играют на пределе – большой, не большой, – нельзя не выйти на сцену, нельзя на сцене показывать свою боль». Тут надо оговориться, что Высоцкому во время спектакля отнюдь не сердечные препараты впрыскивали. И Хмельницкий об этом знал, но интервьюеру страшной тайны раскрывать не стал. Борис Алексеевич продолжал рассказывать Александру Левиту: «К слову, я вообще не пил, когда пришел в театр. Там пристрастился к этому делу, а завязать – ох, как сложно!..

Как говаривал Штирлиц, привычка, выработанная годами. Пить меня научил Юрий Любимов. После первой премьеры зашел в гримерку: надо отметить! Я говорю: вы знаете, что я не пью и не курю, так нас с сестрой Луизой родители воспитали. А он в ответ: «Что же это за артист такой?!» Потом, когда он ругал Высоцкого за очередную пьянку, я напоминал ему, кто спаивает актеров в Театре на Таганке (смеется)».

А другому интервьюеру Хмельницкий признался: «Выпить я уважаю. Но только в свободное от работы время. Пожалуй, припомню только один случай, когда «принял на грудь» накануне спектакля. Да и то лишь потому, что день недели перепутал. Ведь выпить и идти на сцену – это же сплошное мучение. Зачем измываться над собой и зрителями. Но когда я пью, удовольствия не получаю. Думаю, идет это не от распушенности, а от той нервной нагрузки, которая выпадает на сцене, на съемочной площадке. Примешь сто грамм – и полегчает. Поэтому я – убежденный пьяница. Не знаю, что такое похмельный синдром. Могу пить, могу не пить – хоть неделю, хоть две. А алкоголизм – это страшная болезнь, к тому же трудноизлечимая. Я видел это на примере своих товарищей, которые уходили из жизни, не в силах справиться с властью рюмки. Не доведи, как говорится, Господь...

Моя первая рюмка случилась только на втором курсе театрального института, когда мы сдали первый акт спектакля «Добрый человек из Сезуана». Потом постепенно втянулся. Это понятно: ВТО, Дом кино, «поклонники таланта»...

Шампанское я не очень люблю. А вот коньяка, водки иной раз по девятьсот грамм приходилось принимать на нос, по литре. Но чем старше становлюсь, тем труднее берется эта

планка... Перед любовным свиданием или во время него обязательно люблю выпить. Тонус поднимается, жизнь кажется прекрасной и удивительной, женщина – особенно соблазнительной... Правда, случалось пару раз, что, готовясь к бурной ночи, слишком много «принимал на грудь», сил своих не рассчитывал. Потом каялся: вот идиот, такая женщина была прекрасная, а я перебрал...

Когда сидим теплой мужской компанией, я говорю примерно так: «Мои друзья, я безумно рад вас видеть. Тебя, Толя Ромашин, тебя, Ивар Калныньш, тебя, Виталик Шаповалов... Давайте выпивать весело, но не будем никому мешать. И не станем торопиться туда, куда ушли Володя Высоцкий, Олег Даль, Гена Шпаликов, Марис Лиэпа...»

Высоцкий, как и многие другие актеры Таганки, иной раз выходил на сцену подшофе, что однажды привело к страшному конфузу, о котором мы еще расскажем. По многочисленным свидетельствам друзей и знакомых, Высоцкий, когда позволяли средства или обстоятельства, предпочитал дорогие иностранные напитки – ром, коньяк, виски. Водку не любил и пил только тогда, когда не было других напитков. В молодые годы, когда он еще не был богат и знаменит, Владимиру Семеновичу приходилось довольствоваться водкой и дешевым портвейном. А опохмеляться поутру он всегда любил шампанским.

Высоцкий часто писал о том, чего на личном опыте никогда не знал, но слушателям его песен казалось, что перед ними бывший зек (фронтовик, геолог, шахтер, рабочий и т. д.). Он умел замечательно перевоплощаться в каждого из героев своих песен, а их специфический жаргон превращать в высокую поэзию, но так, что у слушателей сохранялась полная иллюзия, что они слышат живую разговорную речь.

Друг Высоцкого, актер Таганки Виталий Шаповалов, говорил о нем: «Он не успевал: он знал Мещанскую, Каретный, театр, знал круг друзей, знал страну по рассказам людей. Не отсидев в тюрьме, писал о зеках, и зеки благодарны ему, потому что это написано так, как будто он сам сидел. Воевавшие благодарны за то, что он будто с ними воевал и т. д. Но все это – только следствие таланта Володи. Многим непонятно, как можно так писать. Мне ясно одно: это переработка гениального человека».

Замечу, что Высоцкий замечательно воспроизводил в своих песнях не только зеков и фронтовиков, но и пьяниц. А вот тут ему уже в немалой мере помогал большой жизненный опыт. Некоторые поклонники в свое время искренне верили, что и здесь имеют дело с блестящей стилизацией, а в действительности Владимир Семенович – вовсе не пьяница. Ну, пропустит рюмку-другую по праздникам или в компании друзей, не более того. К несчастью, песни о пьяницах были по-настоящему автобиографичными.

Мы не знаем, когда стартовал Высоцкий в выпивке – то ли на первых курсах МИСИ или Школы-студии МХАТ, то ли еще в старших классах средней школы. Марине Влади, согласно ее книге, Владимир признался, будто начал пить с 13 лет, но тут могло быть поэтическое преувеличение, как со стороны Владимира, так и со стороны его вдовы. Сам Высоцкий, в отличие от того же Хмельницкого, откровенных интервью о своем пристрастии к алкоголю никогда не давал и в своем пристрастии к спиртному никогда публично не сознавался. Ему требовалось создавать перед зрителями и слушателями совсем иной образ – крепкого, здорового мужика, надежного друга, который всегда придет на помощь и без хныканья преодолет трудности. Согласимся, что с таким образом совершенно не вязался образ тяжелого алкоголика, изводящего родных, близких и коллег по работе своими запоями и сам нуждающийся в экстренной помощи.

Марина Влади в своей книге о Высоцком указывала на социальные и психологические корни его алкоголизма: «Ты острее, чем другие ребята твоего поколения, чувствуешь на себе сталинские наставления, клевету, чванство и произвол. Ты заклеишь все это в своих песнях. Придавленный окружающей тебя обыденностью, отмеченный исторической обстановкой – «победителей не судят», – ты искалечен не физически, как твои товарищи, но душевно. Твои

поэтические и чисто юношеские фантазии, уже тогда сложные и противоречивые, похоронены под слоем «хороших поступков», торжественных выходов в свет – «на людей посмотреть и себя показать». А после сытного ужина никто даже не подумает поговорить с обеспокоенным ребенком, который ложится спать и мечтает. К счастью, есть нежная и любящая мачеха. Она смягчает для тебя этот период терпеливой заботой и тем, что осталось в ней от древней культуры Армении – ее родной земли. Только ради нее я заставляла тебя видиться с отцом. Все это время я тянула тебя за рукав, я назначала эти встречи, я водила тебя на скучные ужины. Тебе не о чем было с ним говорить, и говорила я.

Гораздо позже я поняла: из-за всего этого – отца, матери, обстановки и уже тогда изгнания – ты начал с тринадцати лет напиваться».

Думается, все-таки алкоголизм барда не столь сильно зависел от его непростых отношений с родителями или давления удушливой атмосферы последних лет сталинского правления. Гораздо большее значение для превращения Высоцкого в законченного алкоголика имел божественный образ жизни в актерской тусовке.

О том, как проходили запои Высоцкого, подробно рассказала Марина Влади: «Все начинается обычно с рассказов или анекдотов. Ты с удовольствием возвращаешься к смешным деталям – и Бог его знает, смешно ли это? – но все смеются. Таково твое искусство актера. Любая рассказанная тобой история становится комическим номером. Сначала я тоже смеюсь, прошу рассказать снова. Я люблю, когда ты рассказываешь, искоса поглядывая на меня, изображаешь разных людей, с которыми где только ты не знакомился. Я люблю, когда ты словно светишься от радости.

Теперь наступает следующий этап. Ты заказываешь мне пантагрюэльские ужины, ты зовешь кучу приятелей, тебе хочется, чтобы в доме всегда было много народу. Весь вечер ты суетишься возле гостей и буквально спаиваешь их.

У тебя блестят глаза, ты смотришь, как кто-нибудь пьет, с почти болезненной сосредоточенностью. На третий или четвертый день почти непрерывного застолья, наливая гостям водки, ты начинаешь нюхать ее с видом гурмана. И вот ты уже пригубил стакан. Ты говоришь: «Только попробовать». Мы оба знаем, что пролог окончен.

Начинается трагедия. После одного-двух дней легкого опьянения, когда ты стараешься во что бы то ни стало меня убедить, что можешь пить, как все, что стаканчик-другой не повредит, что ведь ты же не болен, – дом пустеет. Нет больше ни гостей, ни праздников. Очень скоро исчезаешь и ты...

В начале нашей с тобой жизни я часто попадалась на эту удочку. И всегда возникал один и тот же вопрос:

– Я же вижу, да ты и сам чувствуешь, что начинается очередной приступ.

Почему не разбить эту проклятую бутылку, когда еще не поздно?

Ответ будет ясно сформулирован годами позже:

– Потому что я уже пьян до того, как выпью. Потому что меня заносит. Потому что на самом деле я болен. Это обычно случается, когда ты уезжаешь из Москвы, Марина, особенно, когда ты уезжаешь надолго.

Действительно, мы перебираем в памяти мои спешные возвращения, почти всегда в самой середине съемок, гастролей или именно в тот момент, когда я должна заниматься детьми. Как только ты исчезаешь, в Москве я или за границей, начинается охота, я «беру след». Если ты не уехал из города, я нахожу тебя в несколько часов.

Я знаю все дорожки, которые ведут к тебе. Друзья помогают мне, потому что знают: время – наш враг, надо торопиться. Если, на беду, я приезжаю лишь несколько дней спустя и у тебя было время улететь на самолете или уплыть на корабле, поиски усложняются. А иногда ты возвращаешься сам, как это было одной весенней ночью.

Я сижу дома – в квартире, которую мы снимаем на окраине Москвы. Началась оттепель, и земля вокруг строящихся домов превратилась в настоящее месиво. Чтобы выбраться к автобусу или в магазин, нужно идти по досочкам, проложенным мостками через лужи липкой грязи. . . Я не сплю и, когда раздастся звонок в дверь, иду открывать. Какой-то глиняный человек протягивает ко мне руки. Густая коричневая жижа медленно сползает с него на коврик, только серые глаза остаются светлым пятном на липкой маске. Потом лицо оживает, ты начинаешь хохотать как сумасшедший, довольный, что испугал меня, и принимаешься объяснять, что собирался прийти домой вчера вечером, но поскользнулся и упал в глубокую яму и, несмотря на сверхчеловеческие усилия, не смог оттуда выбраться. Если бы не случайный прохожий, ты бы умер от холода, утопая в грязи. Ты так рад, что жив и что ты здесь и вдобавок протрезвел благодаря нескольким часам вынужденного сидения в яме, что я тоже начинаю смеяться, отмывая тебя под душем.

Но обычно я нахожу тебя гораздо позже, когда твое состояние начинает наконец беспокоить собутыльников. Сначала им так приятно быть с тобой, слушать, как ты поешь, девочки так польщены твоим вниманием, что любое твое желание для них – закон. И совершенно разные люди угощают тебя водкой и идут за тобой, сами не зная куда. Ты увлекаешь их по своей колее – праздничной, безумной и шумной. Но всегда наступает время, когда, наконец уставшие, протрезвевшие, они видят, что вся эта свистопляска оборачивается кошмаром. Ты становишься неуправляем, твоя удесятренная водкой сила пугает их, ты уже не кричишь, а воешь. Мне звонят, и я еду тебя забирать».

Доза по литру водки или коньяка на человека, о которой говорил Хмельницкий, – это четыре бутылки на двоих. Наверняка иной раз и по пять бутылок бывало, как в песне Высоцкого. Но даже в столь откровенном интервью Хмельницкий чуть-чуть лукавил. Даль, Шпаликов и Лиэпа действительно умерли от злоупотребления алкоголем. Это было хорошо известно. А вот Высоцкий умер все-таки не от пьянства, а от другой, еще более страшной болезни. Друзья Высоцкого, актеры Театра на Таганке Валерий Золотухин и Иван Бортник, пили тогда ничуть не меньше Владимира Семеновича, да и после его смерти отнюдь не собирались отказываться от вредной привычки. Однако благополучно здравствуют и сегодня, дай им Бог всяческого здоровья, продолжают играть и сниматься. Да и тот же Борис Хмельницкий умер все-таки не от последствий пьянства, а от ракового заболевания. Высоцкий же, по мнению современников, был крепче здоровьем многих своих товарищей и обладал большой физической силой. Например, он мог, сделав стойку на руках, спуститься по лестнице. Природа запрограммировала Высоцкого на долгую жизнь. Бард вполне мог бы жить и петь сегодня или, по крайней мере, прожить на двадцать-тридцать лет подольше, чем ему отпустила судьба, даже если бы продолжал пить как лошадь, если бы печень выдержала. Значит, не только водка, а, может быть, и не столько водка, погубили «шансонье всяя Руси»?

Нет, не только водка и не столько водка привела Владимира Семеновича к трагическому концу всего в 42 года. И не советская власть и непризнание официальных структур в качестве поэта и барда тому виной. Отнюдь не из-за каких-либо притеснений со стороны властей Высоцкий начал пить, а от того, что много пить принято было в той среде, в которой он рос и делал первые шаги в самостоятельной жизни – сначала в дворовой компании на Большом Каретном, потом среди начинающих актеров, у которых в их полуголодной жизни водка и портвейн всегда первенствовали над закуской. А то, что пьянство имело в случае с Высоцким столь разрушительные последствия для его организма, объясняется совсем не тяжестью жизни в несвободной стране. Гонений особых не было. Ведь диссидентом Высоцкий никогда не был. Недаром он с гордостью говорил: «Я не диссидент, я поэт». В своих песнях на советский строй и коммунистические святыни, в отличие от Александра Галича, Высоцкий никогда не покушался. И его совершенно невозможно представить себе в качестве ведущего программы на радио «Свобода». Не столько из-за политических взглядов, которых, вероятно, в каком-то оформленном

виде у Высоцкого просто не было, сколько эстетически и психологически. Хотя Высоцкому довелось общаться с представителями разных волн эмиграции, это была все-таки не его среда обитания. А из несвободной страны он в последнее десятилетие своей жизни регулярно выезжал по многу недель и месяцев на благословенный Запад и, как советский гражданин, женатый на француженке, и как артист, признанный во многих странах мира, успел объехать полсвета. Разумеется, жизнь барда не была сплошным праздником. Выпадали молодцу и шипы и тернии. Но уж нельзя сказать, что вся жизнь Владимира Семеновича только из одних шипов и состояла. Бывал и на его улице праздник. Да, не давали издаваться как поэту. Да, диски с его песнями выходили редко, а большой диск в «Мелодии» вышел только посмертно, через несколько лет после того, как такой диск вышел во Франции. Известно, они любить умеют только мертвых. Да, не пускали на Центральное телевидение. Да, требовали вернуть часть гонораров и угрожали уголовным преследованием. Да, публиковали статьи с зубодробительной критикой в партийной печати. Да, снимали с главных ролей в целом ряде фильмов, которые могли бы его сделать настоящей кинозвездой еще в конце 60-х. Это все – шипы и тернии. Но было ведь и другое, что далеко перевешивало все ощутимые минусы существования в советской стране. Главное – любовь миллионов, десятков миллионов слушателей и зрителей, ощущение востребованности своего таланта, возможность творить для широкой и благодарной аудитории. Возможность сыграть свои лучшие роли – принца Гамлета и Глеба Жеглова (может быть, одна из самых заметных утрат отечественной и мировой культуры – это то, что ни один спектакль Таганки с участием Высоцкого так и не был целиком записан на пленку и тем сохранен для потомства). Наконец, ему досталась любовь прекрасных женщин.

Нет, все беды Высоцкого пошли исключительно от природной предрасположенности к алкоголизму, от него, от его воли не зависящей. Русскому человеку вообще свойственно источники своих проблем искать не внутри себя, а в воздействии внешних злых сил. Высоцкий и многие его друзья в этом отношении были вполне русскими людьми.

Интересно, что на Западе алкоголизм – удел очень многих звезд кино и эстрады, композиторов, писателей, живописцев. Однако никто там в этом не усматривает проблемы взаимодействия художника и общества. Алкоголизм там не является чем-то постыдным, если человек готов лечиться. Так, бывший президент США Джордж Буш-младший еще до своего избрания открыто признавал, что в молодости имел большие проблемы с алкоголем, но благополучно с ними справился и уже несколько десятилетий вообще не пьет. В той же Америке популярно общество «Анонимные алкоголики», объединяющее тех, кто решил совместно бороться с пагубным недугом. На Западе проблемы алкоголизма издавна широко обсуждаются и существует множество программ его лечения, финансируемые из государственных и частных источников. В СССР же до горбачевской перестройки серьезных мер по лечению алкоголизма не предпринималось. Да и антиалкогольная программа Михаила Горбачева базировалась главным образом на ограничении производства и торговли спиртным, а не на профилактике и лечении алкоголизма. Во времена же Высоцкого программ реабилитации алкоголиков не существовало. Можно было ложиться в наркологические диспансеры и клиники, но это лучше было делать по знакомству, чтобы избежать огласки. Режим в этих учреждениях, как правило, был репрессивным, к алкоголикам относились как к психическим больным. Первые посещения антиалкогольных учреждений произвели на Высоцкого столь удручающее впечатление, что впоследствии он панически боялся госпитализации, даже к знакомым врачам.

Артисты обычно объясняют свое пристрастие к спиртному тем, что им необходимо снять то напряжение, которое они испытывают на сцене, играя до полной гибели всерьез. Правда, точно так же напряжение к концу дня накапливается у рабочих на заводах и шахтах, равно как и у обычных офисных клерков, и они тоже чаще всего снимают его проверенным русским способом. Но у артистов еще и богемный образ жизни – с постоянными банкетами, приемами, премьерными презентациями, просто дружескими посиделками с обильной выпивкой. И если

человек по генам своим алкоголик, то в артистической среде он алкоголиком непременно станет. Потому-то в художественно-артистической, творческой среде особенно много алкоголиков. Так произошло со многими кумирами публики на Западе, то же случилось и с Высоцким, как и со многими другими знаменитостями советской эпохи. Недаром великий актер Алексей Дикий провозгласил: «Бойтесь непьющего артиста».

Несколько раз Высоцкий и Бортник проходили лечение средством «эспераль», которое привозила из Парижа Марина Влади. В СССР его по-простому именовали «спиралью». На полгода-год запои купировались, а потом все начиналось сначала. Однажды из Италии Высоцкий прислал другу такие стихи. «Скучаю, Ваня, я, кругом Испания. Они пьют горькую, лакают джин. Без разумения и опасения. Они же, Ванечка, все без ПРУЖИН».

Но к пьянству добавились наркотики, и это сыграло в судьбе Высоцкого роковую роль. И здесь он тоже ничем принципиально не отличался от западных звезд кино и шоу-бизнеса. И результат был столь же плачевным, а то, что пить он не перестал, только приблизило развязку.

Высоцкий и наркотики

О том, как и почему Высоцкий пристрастился к наркотикам, сохранилось несколько свидетельств. Вот наивный рассказ Оксаны Афанасьевой, последней любви барда, о том, как Высоцкий сел на иглу: «Я познакомилась с Высоцким в довольно благоприятный момент: он целый год не пил совсем или пил очень мало – глоток или два шампанского, и больше ничего! – неплохо себя чувствовал, все в его жизни стабилизировалось. Это был, наверное, один из самых светлых периодов его жизни. Наркотики тогда употреблял редко, только после спектаклей. Чаще всего после «Гамлета», потому что «Гамлет» его выматывал совершенно. И Володя делал себе укол, просто чтобы восстановить силы. И никаких таких эффектов – как у наркоманов – у него не было.

Он как-то мне рассказывал, что первый раз ему сделали укол наркотика в Горьком, чтобы снять синдром похмелья. Одна женщина-врач уверяла, что приводит своего мужа-алкоголика в чувство только с помощью каких-то инъекций и таблеток. Решили попробовать, сделали укол – помогло. Второй, третий... Запой нет, похмелья тоже, Володя работает.

Вроде все замечательно, осталось только побороть стресс и страшную усталость. Ведь когда актер выкладывается в таких ролях, как Гамлет, ему необходима реабилитация. Наверное, наркотики – это единственное, что ему помогало снимать напряжение. Он от меня все это скрывал вначале...»

По словам Оксаны, этот первый опыт с наркотиками относится к 1977 году.

А вот что вспоминает о начале наркомании Высоцкого весной 1977 года Марина Влади, вдова и самая сильная любовь Владимира: «Я жду тебя уже два часа – ты должен приехать в Будапешт на съемки фильма...»

Ровно в пять тридцать поезд подходит к вокзалу... Я вижу тебя в конце платформы – бледного, с двумя огромными чемоданами, которые я не узнаю... У меня очень болит голова, и от твоего отсутствующего вида мне становится совсем грустно. Я на всякий случай тайком принохиваюсь, но от тебя не пахнет водкой, и я уже ничего не понимаю. Ты смотришь как-то сквозь меня, и в твоих глазах меня пугает какая-то пустота... Физическая боль после самой жуткой пьянки – это ничто в сравнении с психическими мучениями. Чувство провала, угрызения совести, стыд передо мной исчезают как по волшебству: морфий все стирает из памяти. Во всяком случае, в первый раз ты думал именно так. Ты даже говоришь мне по телефону с мальчишеской гордостью:

– Я больше не пью. Видишь, какой я сильный?

Я еще не знаю цены этой твоей «силы». Несколько месяцев ты будешь обманывать себя. Ты прямо переходишь к морфию, чтобы не поддаться искушению выпить. В течение некоторого времени тебе кажется, что ты нашел магическое решение. Но дозы увеличиваются, и, сам того не чувствуя, ты попадаешь в еще более чудовищное рабство. С виду это почти незаметно: ты продолжаешь более или менее нормальную жизнь. Потом становится все тяжелее, потому что сознание уже не отключается. Потом все это превращается в кошмар – жизнь уходит шаг за шагом, ампула за ампулой, без страданий, потихоньку – и тем страшнее. А главное – я беспомощна перед этим новым врагом. Я просто ничего не замечаю...»

У Марины старший сын Игорь был наркоманом, связался с хиппи, не раз уходил из дому, так что она хорошо знала то, о чем писала. Игорь лежал в специальной клинике для наркоманов в Шарантоне. Все стадии трагического процесса уже прошли однажды на ее глазах. Однако в конце концов Игорь остепенился, с наркотиками завязал, женился и уехал к отцу, актеру и режиссеру Роберу Оссейну (графу де Пейраку в популярных в те годы и во Франции, и в СССР фильмах про Анжелику) на Таити, где занялся выращиванием жемчуга. Здесь, к счастью, пагубное пристрастие удалось купировать еще на ранней стадии. У Высоцкого же недуг

зашел слишком далеко, и через три года после возникновения пристрастия к морфию шансов на спасение уже не было. А под самый конец жизни появились и кокаин, и героин. Благо средства позволяли. Хотя какое тут благо, одно несчастье.

Высоцкий в «парижском дневнике» 1975 года описывает специализированную клинику для наркоманов Шарантон, где они с Мариной навещали Игоря: «Поехали в больницу. Похоже на наши дурдома, только вот почище, и все обитатели – вроде действительно больные. Ко мне разбежался кретин в щетине и потребовал закурить. Я дал...»

Здесь Высоцкого оттянуло на философские размышления, возможно, под влиянием чтения булгаковского «Мастера и Маргариты», где, как известно, покой становится высшей наградой, дарованной главному герою:

«...Все хотят своего – покоя.

Врачи – избавления от беспокойного пациента – покой.

Игорь – избавления от всех, чтобы продолжать начатое большое дело. Покой.

Родители, чтобы больше не страдать. Покой.

Я – чтобы мне лучше было. Все своего и по-своему, поэтому общего решения найти почти нельзя».

Тут Владимир Семенович приходит к очень тонкому наблюдению, делающему честь его философскому уму: покой одного человека очень часто мешает покою другого человека, и практически невозможно достичь покоя для всех сразу. У каждого – свое представление о покое, и в обыденной жизни эти представления, как правило, сталкиваются друг с другом. И оказывается очень трудно помочь даже близкому человеку в обретении желаемого покоя.

В начале 1975 года Высоцкому пришлось наблюдать Игоря под наркотическим кайфом, и он записал в дневнике: «Увидели Игоря. Он сидел и что-то калякал, даже не встал. Под лекарствами он – бледный и безучастный, глаз – остановлен, все время на грани слез. Я даже испугался, увидев. Говорили с ним... Спасать надо парня, а он не хочет, чтобы его спасали, – вот она и проблема, очень похожа на то, что и у меня. Хочу пить – и не мешайте. Сдохну – мое дело и т. д... очень примитивно, да и у Игоря не сложнее».

После разговора с Игорем Высоцкий записал: «Я пока не могу это описать, и как мать это выдержала, и выдерживала, и будет выдерживать – не понимаю. Но положение безвыходное. Созерцать, как парень гибнет, ведь нельзя. А он-то хочет гибнуть. Вот в чем вопрос. Ушли. И весь остаток дня прожили в печали, ужасе и страхе».

Действительно, как бороться за жизнь человека, который сам хочет гибели? Высоцкий проецировал состояние Игоря на свое собственное, особенно в период очередного запоя. Но думал ли Владимир Семенович, что через какие-нибудь три-четыре года окажется в еще худшем положении, чем Игорь? Мы, боюсь, никогда не узнаем, стремился ли Высоцкий к гибели в последние месяцы своей жизни. Но несомненно то, что все его действия объективно были сродни самоубийству.

Несомненно, в тот момент, когда Высоцкий впервые попробовал наркотики, началось его последнее, смертельное пике. О том, как, когда и где это случилось, существуют, на первый взгляд, несколько разноречивых свидетельств. Кроме цитированных выше воспоминаний Оксаны Афанасьевой и М. Влади, есть еще рассказ друга Высоцкого художника Михаила Шемякина: «Володя мне говорил, что до последних дней своей жизни будет недобрим словом вспоминать человека, своего друга с Таганки, который посадил его на иглу. Вроде бы из добрых побуждений, пытаюсь помочь ему освободиться от алкогольной зависимости. Он уговорил его сделать небольшой укол. Володе стало лучше, но после укола его потянуло снова на кокаиновое похмелье. И пошло-поехало...»

Для полноты картины следует упомянуть, что существуют еще две версии того, как все-народный бард приобщился к наркотикам. По одной из них, на иглу Высоцкого посадил сын Марины Влади Игорь. По другой, это сделал КГБ, используя неназванного Шемякиным по

имени актера-наркомана. Чекистам будто бы очень не нравилось, что Высоцкий пропагандирует в своих песнях либеральные и западные ценности, хотя, по крайней мере, в трех процитированных выше песнях пропаганду ценностей такого рода усмотреть довольно трудно. Обе эти версии представляют собой чисто логические конструкции, не опирающиеся ни на какие свидетельства, и большого доверия не заслуживают. С Игорем Высоцкий встречался редко, только во время своих поездок в Париж, а с его компанией хиппи и вовсе не был знаком. И приведенные выше записи из дневника Высоцкого, посвященные встречам с Игорем, категорически опровергают возможность того, что сын Марины Влади мог приобщить его к наркотикам.

Что же касается КГБ, то чекистам совершенно ни к чему было прибегать к столь экстравагантному способу расправиться с потенциальным противником советской власти. Ведь никто же не мог точно предсказать, сколько он протянет, подсев на иглу: три года, пять лет, а может, и все десять. Уж проще было бы просто арестовать его за хранение наркотиков и дать срок. Впрочем, срок ему можно было дать и по хозяйственной статье, за незаконное предпринимательство, проведение «левых» концертов и получение неучтенных гонораров. Как раз в последние годы жизни Высоцкого начинало раскручиваться дело концертных администраторов при известных исполнителях, которых как раз и обвинили в этих и других смертных грехах. Если бы Высоцкого надо было посадить, то это легко можно было сделать без всяких наркотиков, просто пристегнув его к одному из дел концертных администраторов. Однако как раз незадолго до смерти по одному из таких дел Высоцкий был оправдан. И оправдан именно потому, что правоохранительные органы получили с самого верха ясную установку – артистов, всесоюзных и мировых знаменитостей в это дело не вовлекать. О финансовых делах Высоцкого мы расскажем далее.

Разумеется, если бы Высоцкий был настоящий диссидент, подписывал бы петиции в защиту политзаключенных, издавал подпольный журнал или на своих концертах открыто призывал к изменению существующего строя, управу бы на него нашли достаточно быстро, и на жену-француженку не посмотрели бы. Высоцкого могли либо вынудить эмигрировать, как Галича (этот вариант представляется наиболее вероятным), либо даже посадить, причем совсем не обязательно – по политической статье. Тут вполне стоились бы и «левые» гонорары за концерты.

Однако Высоцкий, как известно, диссидентом никогда не был и прямой критики советской власти ни в песнях, ни в публичных выступлениях никогда не допускал. Запрещенную литературу, правда, почитывал, да и то больше за рубежом. А эмигрировать он не собирался, хотя и имел все возможности сделать это совершенно легально. Но как раз о том, что он из страны никогда никуда не уедет, Владимир Семенович не раз заявлял и в выступлениях, и в песнях:

Я смеюсь, умираю от смеха.
Как поверили этому бреду?
Не волнуйтесь, я не уехал.
И не надейтесь – не уеду!

Разного рода «фиги в карманах» и тонкие намеки на то, что мы, дескать, живем в несвободном и гнилом обществе (как писал Валентин Гафт о Высоцком, «он пел о нашей жизни скотской»), власть особо не волновали.

Затая же с тем, чтобы посадить Высоцкого на иглу, задумай чекисты это сделать, сама по себе была бы крайне рискованной и грозила непредсказуемыми последствиями. Что бы случилось, например, если бы Высоцкий попался с наркотиками? Добро бы произошло это в СССР. Здесь КГБ при желании легко мог замять дело в обмен на какие-то услуги со стороны артиста. Хотя какие услуги от него, по большому счету, могли потребовать? На роль сексота

он явно не годился, а верноподданническая песня про героев-чекистов в его устах неизбежно воспринималась бы как злая пародия. А если бы с наркотиками Высоцкий залетел где-нибудь во Францию? Как бы тогда пришлось реагировать советской стороне? Ведь он все-таки был артистом, официально признанным в СССР. Вытаскивать ли его любой ценой или, напротив, дать ему очутиться во французской тюрьме? Ни одно из этих решений не было очевидным, имело свои плюсы и минусы и наверняка принесло бы властям лишь дополнительные хлопоты.

К тому же на наркоманию в СССР тогда вообще обращали мало внимания. Считалось, что это – удел прогнившего западного мира, а в стране победившего социализма ее просто не может быть. Поэтому вряд ли кто-нибудь в КГБ или МВД решил бы избавиться от Высоцкого с помощью такого экзотического способа, как наркотики.

Главное же, сотрудники правоохранительных органов в своем большинстве любили Высоцкого и мечтали получить автограф кумира. Наверняка подобные настроения были и среди чекистов среднего звена. Можно не сомневаться, что, узнай они, что кто-то из начальства собирается подсадить барда на наркотики, сделали бы все, чтобы эту провокацию сорвать, придав ее огласке. Писатель Валерий Попов вспоминал, как в середине 60-х годов в Ленинграде «шел мимо грозного Большого дома и услышал из раскрытого окна родной хриплый бас – запись Высоцкого. И там наши люди! Только вот со службой им не повезло... или, наоборот, повезло?»

Естественно, любовь чекистов к Высоцкому преувеличивать не стоит. Если бы поступил приказ Высоцкого арестовать, 99 из 100 бойцов невидимого фронта выполнили бы его без каких-либо колебаний и угрызений совести. Но без прямого приказа начальства никто из них гадить Высоцкому ни по-мелкому, ни по-крупному не собирался. И если бы кто-то готовил против Высоцкого серьезную провокацию, наверняка произошла бы утечка через сочувствовавших Высоцкому чекистов, которых было гораздо больше, чем несочувствовавших. Оксана Афанасьева (Ярмольник) признается: «Со временем я поняла, что было немало людей, которые хотели, чтобы Володи не было в стране. Даже при всей любви к Володе Брежнева и особенно его дочери Галины это все равно был «совок», который его боялся, считал опасным. Кагэбэшники, которые слушали его песни, говорили: «Мы вас обожаем», – но при этом могли сказать: «Вы что тут? Вы у нас смотрите». И пальчиком грозили. А с другой стороны, на этом же уровне было еще больше тех, кто противодействовал первым. И это негласное противоборство давало ему возможность жить и работать в стране».

Да что чекисты, начальство само очень любило песни Высоцкого. Однажды ему даже поступило предложение попеть в узком кругу для секретарей ЦК, которое Высоцкий с возмущением отверг, так как холуем быть не собирался.

Более того, вполне можно допустить, что фигура Высоцкого и его творчество по большому счету коммунистическую власть устраивали. Он пел о нашей жизни правду, но при этом не звал на баррикады. У его поклонников складывалось впечатление, что вполне можно жить той обычной жизнью, без навязчивой идеологии и лозунгов, и находить в этой жизни что-то поэтическое, пусть даже и рядом и вместе с тем, что достойно осмеяния. Можно сказать, что для миллионов поклонников Высоцкого его творчество создавало некий модус вивенди с советской властью, стало неким рефагнумом, в котором можно было спрятаться от навязчивой советской идеологии, от обязательных собраний и песен советских композиторов и поэтов. Помните, как у Владимира Сорокина в рассказе «Открытие сезона» два охотника-людоеда используют запись песни Высоцкого «Лукоморья больше нет» в качестве манка, чтобы направить заблудившегося путника под выстрелы своих ружей. Песни Высоцкого были неким манком для советской интеллигенции, создавали ощущение свободы и собственной смелости, тогда как в действительности находились в пределах негласно разрешенного властью фрондерства.

И нет никаких данных, что вплоть до смерти Высоцкого в КГБ или МВД знали о том, что он – наркоман. Хотя участковый, ведший доследственную проверку по факту смерти Высоцкого, и вспоминал, что о наркозависимости барда к тому времени был наслышан. Если о том, что Высоцкий сильно пьет, было известно всей театральной и околотеатральной Москве, то о наркомании даже многие близкие друзья узнали только после гибели поэта и артиста или, в лучшем случае, лишь в самые последние месяцы жизни, когда скрыть наркозависимость было уже очень трудно.

Возвращаясь к обстоятельствам приобщения Высоцкого к наркотикам, следует отметить, что по сути все три приведенных выше свидетельства принципиально не противоречат друг другу. Марина Влади действительно могла задним числом понять, что весной 1977 года в Венгрию, где они вместе снимались в фильме Марты Мессарош «Их двое», Володя приехал под наркотическим кайфом. Но сел на иглу он явно не в Венгрии, а за несколько месяцев до этого в Москве. И посоветовать обратиться к морфию Высоцкому в равной мере могли и знакомая женщина-врач, и друг-актер. Не исключено, что в реальной жизни были оба советчика, сначала друг-актер, потом женщина-врач (или наоборот). Но, так или иначе, можно констатировать, что где-то на рубеже 1976–1977 годов Высоцкий подсел на морфий и содержащие его препараты, а впоследствии и на более тяжелые наркотики. Делал он это прежде всего для того, чтобы избавиться от алкогольной зависимости, найти действенную замену спиртному. И в течение нескольких месяцев это средство казалось эффективным – пить он действительно бросил. А потом разразилась катастрофа. Выяснилось, что и алкоголизм никуда не делся, и без наркотиков бард жить уже не мог. Врач Института Склифосовского Леонид Сульповар, лечивший Высоцкого, свидетельствовал: «...Когда мы выводили Володю из тяжелых состояний (запой. – Б. С.), то знали, что можно, а что нельзя. Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда. Володя попадал в разные места, и где-то, скорее всего, передозировали. Тогда «выход» проще. Думаю, что вкус наркотика он ощутил на фоне «выхода из пике». Где и когда – я не знаю». Сам Сульповар понял, что Высоцкий – наркоман, только в 1979 году.

Есть предположения, что Высоцкий сел на иглу значительно раньше, чем в конце 1976 года. Бывший администратор Театра на Таганке Валерий Янклович, в последние годы выступавший в роли фактического импресарио Высоцкого, вспоминал: «Володя сам говорил мне, что вначале укол наркотика – это был выход из запоя. Это еще не болезнь. А наркотики всерьез у него начались в конце 1975 года. Я в этом уверен... Я много говорил с Володей на эту тему. Он мне сказал: «Вот ты не был на Западе, а там все творческие люди это делают. Это ведь стимулирует творчество. Я же не злоупотребляю, а только для поддержания формы... И мне это помогает». О конце 1975 года как о времени начала наркомании Высоцкого говорил и врач-реаниматолог Анатолий Федотов: «Когда мы познакомились с Володей в самом конце 1975 года, он уже хорошо знал, что и как... Есть ряд препаратов, которые способны восстанавливать работоспособность нервной клетки... Можно снять чувство похмелья. Привыкание развивается очень быстро, организм истощается – это очень коварное лекарство. Долго на него надеяться нельзя».

Вторая жена Высоцкого актриса Людмила Абрамова вспоминала: «1976 год. Нина Максимовна у меня на старой квартире, я спрашиваю ее:

- Ну, как Володя?
- Ничего, хорошо...
- Не пьет?
- Нет, не пьет... Ему теперь и не нужно, он сам научился делать уколы...
- Какие уколы!?
- Амфетамины. Марина привозит их из Франции».

Тут надо заметить, что амфетамины – это мощные стимуляторы на основе эфедрина, которые используют спортсмены в качестве допинга. Однако к наркотикам сам амфетамин,

лекарственное средство, стимулятор центральной нервной системы, аналог гормонов адреналина и норадреналина, все-таки не причисляют. Вероятно, это была начальная стадия попыток Высоцкого победить алкоголизм с помощью разного рода стимуляторов. По всей видимости, когда говорят, что Высоцкий начал употреблять наркотики уже в конце 1975 – начале 1976 года, имеют в виду как раз стимуляторы такого рода. А применительно к концу 1976 – началу 1977 года можно говорить уже о возникновении настоящей наркозависимости.

Оксана Афанасьева, правда, высказала мнение, что мать Высоцкого «до конца ничего не понимала в Володиной болезни. По-моему, она считала, что это витамины. Просто наркотики были для нее страшным словом». Но, скорее всего, последняя возлюбленная Высоцкого просто перепутала витамины с созвучными амфетаминами. По мнению Оксаны, высказанному в беседе с журналистом Валерием Перевозчиковым: «...к этому времени у него был уже совершенно другой – очень высокий – социальный статус. Он мог войти в любой кабинет... И Володя уже не хотел и не мог пить... А наркотики вначале позволяли внешне нормально жить и работать. Я знаю, что вначале он делал укол только после «Гамлета», чтобы восстановить силы».

Вскоре после отъезда из Венгрии Высоцкий чуть не погиб. Его друг Валерий Золотухин записал в дневнике 2 апреля 1977 года: «Мои домашние неурядицы и диалоги даже затмили шок: я доигрывал сегодня спектакль за Высоцкого. Этого еще не было в театре, у нас». В этот день Золотухину пришлось в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» доигрывать за Высоцкого роль Керенского. Ко второму акту Владимир Семенович, как говорится, лыка не вязал. Вернувшись из Венгрии, он наконец-то после долгого перерыва впал в запой. Вот как происшедшее описывает журналист Федор Раззаков: «2 апреля вечером в Театре на Таганке давали «10 дней, которые потрясли мир». Народу в зале собралось, как и обычно, под завязку. А тут на грех опять «перебрал лишку» исполнитель роли Керенского Высоцкий. Он явился на спектакль, с трудом ворочая языком, но заверил Любимова, что сумеет отыграть так, что зрители ничего не заметят. Главреж ему поверил, поскольку такие примеры в прошлом действительно были. Но в этот раз хитрость не удалась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.